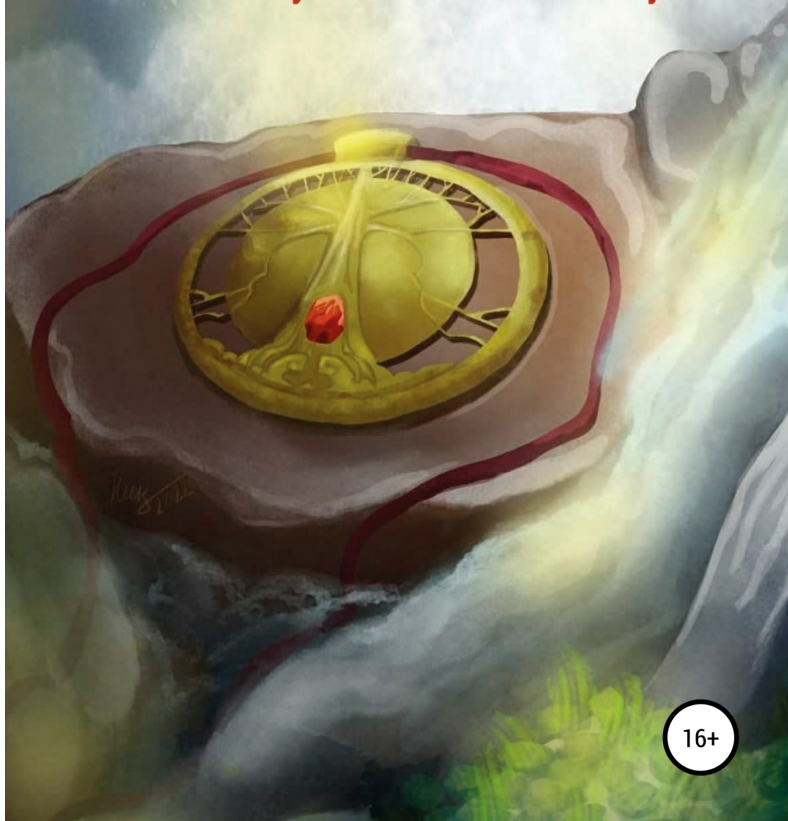

Татьяна Волхова

СЕВЕРНЫЙ МИР

16+

Татьяна Волхова

Северный мир. Млада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67515137

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга «Северный мир» позволит Вам пройти вместе с героями обряды, посвящения, стать свидетелями испытаний духа и тела. В этом славянском фэнтези причудливо сплетаются обычаи наших предков и современные методики работы с энергией. Каждое слово книги пробуждает и наполняет светом. Если Вы хотите ощутить трепет души и тепло любящего сердца, то «Северный мир» распахнёт для Вас свои потаённые двери. Вы попадёте в удивительный край, позволяющий чувствовать и жить здесь и сейчас.

Татьяна Волхова

Северный мир. Млада

Глава 1

Встреча

Я пробиралась через лес к дому, где жила колдунья. В нашем поселении многое о ней говорили и даже сжечь её дом хотели. Но когда нападала хворь или нужен был приворот, то тайком бегали к ней за помощью. И взрослые женщины, и молодые девушки, и даже парни похаживали.

Моя семья услугами ведьмы не пользовалась. Мать запрещала даже думать о колдовстве. И когда мои подружки гадали при луне на суженого, я сидела дома.

— Узнаю, что с ними ворожила, — волосы обстригу, — сказала однажды мама.

А у нас без волос нельзя: такой человек считается отвергнутым. Ко мне никто не подойдёт, пока волосы до лопаток не отрастут. А я не хочу, чтобы меня все чуждались. И всегда держалась от колдуньи подальше. Но сейчас всё изменилось: ко мне собрался свататься Барган.

В минувший полдень он незаметно подошёл ко мне и сказал, что в выходные пришлёт сватов. И посмотрел так, как будто озолотил меня.

Увидев равнодушие в моих глазах, парень разозлился.

— Другая бы на твоём месте Ладу-матушку благодарила,

а ты только хмуришься. Но ничего, тебя никто не спросит, отец отдаст — и придёшь ко мне, покорная, — проговорил он. — Нашей семье ещё никто не отказывал.

— Никто не отказывал, да мы первые будем, — ответила я и пошла прочь.

Сам Бартан был парнем видным, но мне не нравился. Слишком самовлюблённый он. Не такого мужа я хотела. А как отец мой: доброго, внимательного, понимающего. Чувствовала я, что другой — мой суженый. Да не встретила я его пока. И теперь бежала к колдунье, чтобы спросить у неё: как отвадить жениха нелюбого.

Еле заметная тропинка в лесу продолжала петлять. Неожиданно лес расступился, и на небольшой полянке я увидела ветхий домик. По двору разгуливал пёс.

«А пёс ли? — пронеслось у меня в голове. — Больно он на волка похож».

Бродил он без поводка. Смотрел на меня умными глазами. Никогда я таких глаз у наших собак не встречала. И вдруг голову слегка наклонил, будто приветствовал.

Я не успела удивиться этой встрече, как на пороге показалась пожилая женщина. «Почему её называют страшной старухой? — пронеслось у меня в голове. — Обычная она, как многие в её возрасте».

— Я тебя на сорок лет старше, — будто слыша мои мысли, проговорила хозяйка дома. — Вот и думай: стара я или нет.

— Здравствуйте, — поклонившись, сказала я. — Вы уме-

ете читать мысли?

— А что здесь читать, коли у тебя на лице всё написано? — усмехнулась женщина. — Проходи в дом, раз пожаловала. Раньше ни разу не приходила.

— Мне матушка не велела, — ответила я.

— А сейчас что изменилось?

— Сейчас мне помощь ваша нужна, а то отдадут меня за Бартана, и я сгину рядом с ним, — выпалила я.

— Так уж и сгинешь, — то ли спросила, то ли пошутила колдунья.

— Не хочу я за него замуж. Другой мне предназначен, я буду его ждать, — ответила я, сама удивляясь своей откровенности.

Хозяйка внимательно посмотрела на меня, как будто пронзила взглядом и увидела самые потаённые мысли, потом покачала головой и пошла в дом. Я последовала за ней.

В избушке колдуньи было удивительно светло и просторно. Я ждала увидеть тёмные стены, заросшие паутиной, наглухо закрытые окна, спёртый воздух. Но всё оказалось иначе.

В небольшой избе было просторно за счёт крайне бедной обстановки. У окна стоял стол с двумя стульями, в углу была печь с лежанкой, вдоль стены стояла пара сундуков. Приятно пахло травами. Я даже закрыла на минуту глаза, пытаюсь уловить ароматы, которыми напитан воздух.

— Что замерла? — голос колдуньи вывел меня из состоя-

ния расслабленности.

— У вас так вкусно пахнет! — простосердечно ответила я.

— А ты что, думала, я в грязи живу и жабы по полу прыгают? — усмехаясь, спросила хозяйка.

Я опустила глаза, было стыдно признаться, что я так и считала.

— Глаза-то не прячь, я и так читать умею, — мягче проговорила женщина. — Звать тебя как?

— Млада, — ответила я.

В глазах колдуньи что-то мелькнуло и сразу исчезло. Но дальше она заговорила немного другим голосом.

— Рассказывай, что ты так бежала, что весь лес переполошила.

Теперь я во все глаза смотрела на ту, кого боялась вся наша деревня. «Откуда она всё это знает? Как слышит?» — крутилась мысль. А внутри зрело желание уметь так же. Лишь страх быть отвергнутой и жить одной в глухом лесу не давал мне признаться себе в этом.

— Замуж меня выдают, — повторила я и умоляюще посмотрела на колдунью, — а я не хочу.

— Замуж дело хорошее. Тяжело женщине одной. Ты, я вижу, уже на выданье. Какое солнце тебе идёт? — спросила собеседница.

— Семнадцатое, — ответила я.

— Так засиделась уже. Твои ровесницы уже по первому ребёнку родили, а ты что? — продолжала женщина.

— А я не хочу. И папеньке некогда было меня выдавать. В разъездах он, лишь недавно вернулся. Да как взъелся на матушку, что она меня до сих пор не сговорила. Сказал, что хоть и любит меня, но пересудов о засидевшейся дочке терпеть не будет. Первому посватавшемуся отдаст. А ко мне как раз Бартан свататься собрался, сам мне сообщил. А я лучше в омут, чем к нему, — искренне, как перед ликом Богов, рассказывала я.

— А чем же он тебе не люб? — уточнила колдунья.

— Не люб и всё. Не встретила я ещё суженого. Сердцем чую, — ответила я.

Хозяйка пристально посмотрела на меня и сказала, что я могу спокойно идти домой. Сватовства не будет.

— Вы что-то сделаете? — с надеждой спросила я.

— Зачем же? Ты уже сама всё сделала, — завершила разговор женщина.

Я вышла из избушки в смятении. Пробираясь к ней через лес, я надеялась на какой-то обряд, колдовство, которое отвернёт Бартана от меня. А ничего не произошло.

«Какая же она ведьма? — думала я. — Обычная женщина. Только живёт одна да знает много. Ни котла у неё, ни змей с жабами. Вот и помочь не может. Что же подружки её так хвалили?» — грустно текли мои мысли.

Подходя к своему дому, я почувствовала неладное.

Матушка уже ждала меня. Я вся затряслась. Она должна была весь день провести у нашей родственницы, помогая ей.

Но почему-то вернулась раньше.

Только я зашла в дом, как она почувствовала, что я нарушила её волю. Я пыталась оправдаться, что была с подружками, потом гуляла вдоль речки одна.

— Не ври мне, я всю тебя вижу, — сказала мама, смотря на меня пронизывающим взглядом.

— Я не вру, отпусти меня, пожалуйста, — умоляла я, ведь она держала мои волосы намотанными на кулак.

— Отвечай, где была? — спросила она и рванула мою косу на себя.

— У колдуньи, — прошептала я, понимая, что без правды мне не вырваться.

Матушка резко ослабила хватку и смотрела как будто сквозь меня.

— Как ты посмела нарушить мой наказ? — строго спросила она и в следующий момент уже тащила меня за волосы к столу.

Один удар резака — и вся моя коса осталась у неё в руках, а на голове торчали в разные стороны обрезки волос, спадая на глаза и уши.

Я со слезами смотрела на мою девичью косу, оставшуюся в руках у матушки. Недаром у нас вся сила и краса считались в волосах. Без них я чувствовала себя чудищем. Выбежала из избы и спряталась ото всех в бане. Как я теперь покажусь в селении, ко мне же никто не подойдёт, ведь я остриженная. Ни одна девушка не станет со мной общаться, побоится на-

кликать на себя беду.

Я так и уснула на жёсткой скамейке. А с утра меня нашёл отец, он пришёл сказать мне, чтобы я готовилась встретить сватов, но, увидев мои волосы, замахал руками.

— Что ты натворила? — спросил отец.

— Это не я, — робко ответила я.

— А кто? Мать бы никогда не отрубила тебе волосы, если бы не провинность, — продолжил он.

— Я ходила к колдунье, — глядя в землю, произнесла я.

— Понесла нелёгкая, — сплюнул отец.

Потом развернулся и пошёл к дому.

Ко мне подбежал младший братик и начал смеяться. Потом его позвал отец и велел идти к будущим сватам, сказать, что я стала отверженной и приезжать не надо.

Так началась моя новая жизнь.

Даже домой меня теперь не пускали. Спала я в сарае, еду мне приносил брат, а вот работу давали самую тяжёлую и грязную. Я ведь теперь безволосая, бессильная, кто со мной считаться будет.

Во время работы во дворе я успевала подумать о своём будущем. На моей памяти только одна девушка в нашем селении была острижена. Я ещё маленькая была, не знала её провинности. Но помнила, что волосы у неё плохо отрасли. Как будто с обрядом ушла из них вся сила. Люди её сторонились. Мальчишки вслед улюлюкали. А вскоре её на опушке леса нашли. Что она там делала — неведомо. Лишь

землёй тело закидали, и с тех пор это место стороной все обходят.

Неужели мне тоже суждена такая судьба?

Все бывшие подружки, забегая в мой двор по делам (матушка моя — известная рукодельница), пугались меня, как огня. Я заметила, что они веточки мёртвого дерева в руках держат, как от злого духа, от меня защищаются.

Бартан к нам в дом пожаловал. Вроде к отцу пришёл, да меня всё глазами ищет. Я спряталась в сарае, чтобы ему на глаза не попадаться. Мне ведь даже нельзя голову ничем прикрыть. Позор мой должен быть на виду.

Так отец крикнул мне, чтобы я принесла ему что-то. Пришлось выйти к мужчинам. Бартан как меня увидел, так весь перекосялся и сплюнул.

Взял, что просил у отца, и ушёл. Больше не приходил.

— Такого жениха потеряла, — сказал мне отец, качая головой.

А ведь и правда, я к колдунье за отворотным средством ходила, чтобы от Бартана избавиться, а она сказала, что ничего мне не даст, так как я сама уже всё сделала. Я ещё на неё обиделась. А ведь старуха права оказалась. Неужели знала, что мне матушка косу отрубит?

Мне захотелось вновь оказаться в ветхом домике на лесной опушке. Там вкусно пахло травами, луговыми цветами, на стенах висели неизвестные мне предметы, а по двору ходил волк. Теперь я не сомневалась, что это был самый насто-

ящий волк.

«Терять мне уже нечего, — думала я, — год наказанная ходить буду. А у старухи интересно в избе, может, и меня чему научит. Селяне будут бояться, а не плевать в мою сторону».

Меня теперь никто не стерёг. Мне главное было — работу всю сделать, а потом можно незаметно сбежать. Наш дом стоял недалеко от леса.

Эта мысль так захватила меня, что я не заметила, что закончила выполнять наказания родителей, когда уже темнеть начало. Но я надеялась, что успею навестить колдунью и вернуться.

Дорожка в лесу сама вилась под моими ногами. И казалось, что за мной наблюдает пара глаз. Как будто сопровождает меня в пути.

На полянку к ведьме я вбежала, когда почти стемнело. И вскоре из леса появился волк, которого я видела здесь ранее.

В этот момент дверь распахнулась, и полоска света из избы разрезала поляну пополам.

— Что ты так поздно? В лесу опасно в это время. Вот, проводника за тобой отправила, — сказала колдунья, кивнув на зверя.

— Волка? — удивилась я.

— Его самого, а ты здесь ещё кого-то видишь? — усмехнулась в ответ старуха.

— Но как можно... — начала я и замолчала, не зная, как

спросить про общение с волками.

— Хватит о пустом думать, проходи в дом, — пригласила колдунья.

Меня вновь встретил пряный запах внутри избы, и внешний мир потерял свою важность.

— Зачем пожаловала? — спросила пожилая женщина, глядя мне в глаза так, что мне хотелось зажмуриться.

— Плохо мне дома, — сказала я. — Да и дома теперь нет. Во дворе живу.

— Так ко мне-то зачем пришла? — ещё раз спросила старуха. — Ко мне только за плохим приходят: порчу на кого навести, приворот сотворить, подклад сделать или крадник. Неужели родителям отомстить хочешь за то, что остригли тебя?

Я с ужасом посмотрела на собеседницу.

— Нет, нет, я родителям зла не желаю. Они хоть и остригли меня, зато свадьба, мне ненавистная, сорвалась. Свободна я теперь, только уже и не рада.

— Свобода не всегда бывает такой, как о ней думаешь, за неё тоже платить приходится, — изрекла колдунья.

И мне вдруг показалось, что она сама дорого заплатила за свою свободу. Ведь я ничего о ней не знала: ни кто она, ни кто её родные. Наверное, у неё тоже когда-то была семья. Так почему она столько лет одна и в глухом лесу?

Мои мысли отразились на моём лице, и хозяйка, словно прочитав их, сказала:

– Рано тебе ещё об этом знать. На мой-то вопрос ответишь?

– Я к вам пришла, чтобы... — начала я и осеклась.

Не знала, зачем на ночь глядя прибежала на опушку лесу к одиноко живущей женщине. Что-то влекло меня, манило здесь. Это уединение, бесстрашие жить в лесу одной, дружба с волками. И вероятно, не только с ними. А эти травы, коренья, какие они душистые и загадочные...

– Я хочу знать то, что знаете вы, — вдруг выпалила я. — У вас в избушке так спокойно, легко на душе. Вы столько всего видите и слышите, даже того, что человек не говорит и не проявляет. С волками водитесь. А ваши настои? Я слышала, как они от любой хвори избавляют. Откуда вы знаете их целебные свойства? Я тоже хочу, научите меня!

– Одного знания недостаточно, девочка. И зверей, и птиц, и травы чувствовать надо. Уметь сонастроиться, соединиться с ними, проникнуть в самую суть, тогда они сами раскроют свои секреты и покажут, для чего их применять. А звери не нападут.

– А как это: соединиться с растением? — удивилась я.

– Посмотри за окно, — обратилась ко мне колдунья. — Видишь высокую сосну на краю поляны? Мысленно подойди к ней, представь, что вы обе становитесь прозрачные, ваши границы исчезают, и вы сливаетесь в единое целое. Чувствуешь?

Я закрыла глаза и следовала за голосом женщины. Он

обволакивал и уводил вглубь. Я увидела себя прозрачной, как капелька, и невесомой, как снежинка. Дерево тоже стало прозрачным, и я почувствовала нашу общность. Мы были одинаковы, состояли из одного воздуха. И вдруг я оказалась на самой вершине сосны, вокруг разливалось бескрайнее море деревьев, и даже моего селения не было видно. И столько силы, непоколебимости было в этом дереве, осознания своей мощи и величия.

Я открыла глаза. Колдунья стояла у окна, а я продолжала сидеть на стуле. Я даже не услышала, как она переместилась.

— Как хорошо! — прошептала я.

Женщина обернулась и посмотрела на меня как-то особенному.

— Я не ошиблась в тебе, — сказала она. — Я передам тебе знания, которые ты сможешь вынести. А пока ложись спать, ночь за окном, через лес идти опасно. Даже мои друзья не спасут тебя.

— Но мне надо домой, — с испугом сказала я, представляя, как родители не могут меня найти во дворе.

— Кто тебя хватится? — усмехнулась колдунья. — Искали тебя кто-то вчера или позавчера ночью?

— Нет, — тихо ответила я.

— Вот и в эту ночь не будут. Они уверены, что ты прячешься от людских глаз в сарае. Утром я разбужу тебя до первых лучей солнца, успеешь к рассвету во двор вернуться, — сказала колдунья и постелила мне на лавке у печи.

Утром я проснулась ещё до восхода. Колдунья что-то варила, и от этого шёл потрясающий аромат. Я никогда такого не чувствовала. И даже зажмурилась, чтобы сильнее впитать его душистый поток.

— Проснулась? — не поворачиваясь ко мне, спросила женщина.

— Да, доброго вам солнца, — ответила я. — Как у вас вкусно пахнет!

— Это блинчики с лавандовой мукой, слышала о такой? — усмехнулась колдунья.

— Нет, так бывает? — удивилась я. — Лаванда же просто цветок.

— Это не просто цветок. Лаванда настоящий целитель, — был ответ. — Что разлеглась, вон утро какое, скоро солнце встанет, тебе домой пора, а мне травы собирать.

Вдруг я поняла, что впервые за долгое время хорошо выспалась и отдохнула, как будто все печали сбросила.

— Можно, я буду к вам приходить? — осторожно спросила я.

— Приходи, не мне тебе запрещать, — ответила женщина. — А не боишься, что от тебя все в селении отвернутся?

— От меня и так все отвернулись, мне терять нечего, — сказала я.

— Через год волосы отрастут, и опять невестой станешь. А если со мной кто тебя увидит или заподозрит, что ко мне бегаешь, так побоятся с тобой связываться. Женщины в ва-

шем селении хоть и приходят ко мне, как беда в их дом постучится. Но как отпустит — так ненавидят и сторонятся, — прозвучал ответ.

— А зачем же вы им помогаете, раз они такие неблагодарные? — удивилась я.

— А как не поможешь? Придёт иная, слёзы льёт: муж у неё к соседке повадился, или корова захворала, детишек кормить нечем, или парень любый внимания не обращает. И рыдает, пока не помогу. А как всё наладится, так мужиков в лес посылают, на волков моих капканы ставить, — сказала колдунья.

— А как вы с волками общаетесь? — не утерпев, спросила я.

В этот момент хозяйка развернулась ко мне и проговорила:

— Ишь, какая любопытная, всё ей знать надо. Придёт время, сама поймёшь. А пока ешь и бегом на свой двор. Солнце уже показалось. Твои сейчас встанут, а у тебя вода не ношена.

Я перекусила невероятно вкусными блинами с лавандовой мукой и бегом помчалась к дому. И так легко мне было в просыпающемся лесу, как будто оберегал меня он, наполнял своими звуками и запахами раскрывающейся листвы.

Глава 2

Колдовские дела

С того дня я начала прибегать к колдунье. Она сама говорила, когда можно прийти, когда нет.

— Завтра твой отец дома останется, весь день с тебя глаз не спустит, ко мне не ходи, — говорила женщина.

— Да как же останется, ему в поле надо, — отвечала я.

— Не спорь со мной, мала ещё спорить, — отвечала колдунья, — а вот через две ночи уедет он и не быстро воротится, тогда и придёшь.

И правда, всё случилось, как сказала старуха. Батюшка на завтра немного захворал, в поле не пошёл, по дому ходил, смотрел, проверял, меня постоянно кликал. А через две ночи пришли его на ярмарку звать, да ехать сразу надо, батюшка снарядился и отбыл.

Я только диву давалась, как чётко исполнились слова колдуньи. Страшно мне было, но всё равно ходила я к ней. Столько всего она мне рассказывала.

Травам разным научила: как отличать, когда собирать, какая травушка от какой хвори: что жар снимет, что грусть прогонит, что на ноги после поднимет, а что и ребёнка вытравит. О последнем она мало говорила, но я всё запомнила.

«Да какая она колдунья, — думала я. — Обычная женщина, только природу хорошо знает, чувствует её, я вот тоже травы отличать начала, распознавать их с закрытыми глазами, я что, тоже колдунья?»

Поверить в это я не могла, поэтому решила, что живущая в лесу женщина просто изгнана из селения и вынуждена быть

одна в глуши. Почему с ней так произошло, я не знала, а спросить боялась.

Зато вовсю постигала науку, которую она щедро мне раскрывала. Подойду к холму, соединюсь с растениями, как старуха в первый день учила, и спрошу: где та трава, что мне нужна? И чувствую, что вон там она на склоне. Открою глаза, подойду к указанному месту — и правда, там травка необходимая растёт.

«Каждый так может, — думала я. — Что здесь сложного?».

Однажды, когда я рассматривала большую книгу с рисунками трав, что лежала в лесной избе на полке, ко мне подошла хозяйка избы:

– Давай спрячься да сиди тихо, — сказала она. — Пока я не скажу, не выходи. И звука не подавай.

– Что такое? — спросила я.

– Тимира идёт, не надобно вам у меня видеться, — ответила женщина.

Тимира была единственной женщиной-старейшиной в нашем селении, это считалось большой честью, все остальные старейшины были мужчинами. Я всегда с благоговением смотрела на неё, Тимира казалась мне недостижимой в своей силе и величии.

«Что такой властительнице нужно в избушке колдуньи?» — думала я.

Спрятавшись за печкой, я укрылась пёстрым покрывалом

и приготовилась не дышать. Долгое время ничего не происходило. Я даже подумала, что колдунья пошутила надо мной.

Но на крыльце раздались шаги, и дверь распахнулась. Я не видела, но почувствовала появление статной, властной женщины.

— Здравствуй, Тимира, — спокойным голосом сказала колдунья. — Что в дверях стоишь? Обратное всё равно без моей помощи не уйдёшь.

Дверь закрылась. Я скорее почувствовала, чем увидела, что женщины сели вокруг стола друг напротив друга.

— Я к тебе за зельем, — услышала я голос Тимиры.

Он звучал не так громко и раскатисто, как обычно. И был скорее просящим, нежели властным.

— Я тебе говорила, что часто пользоваться этим снадобьем нельзя, хуже будет, — ответила колдунья.

Её голос тоже изменился. Со мной она разговаривала потечески, порой даже мягко. Сейчас же я слышала в её тоне каменные нотки.

— Хуже уже не будет, уходить он от Смиляны собрался. Считает, что она виновата в его мужском бессилии, — ответила гостя.

— А что, разве не виновата? — спросила колдунья.

— Не вспоминай, что было, то было. Не могу я допустить, чтобы от моей дочери муж ушёл, позора на всё селение будет, — сказала Тимира.

— Потому что не твоей дочери он предназначался, не ей с

ним дом делить, — проговорила хозяйка. — А ты вопреки нитям судьбы их свела, вот и получай.

Некоторое время было молчание. Но тишина звенела, будто между женщинами шла зрительная дуэль.

— Ты меня не пугай, — неожиданно сказала колдунья, как будто прочитала мысли, что были в голове у её собеседницы. — Прикажешь сжечь мою избу — всё ваше селение волки загрызут. Никого не пожалеют: ни стариков, ни детей малых.

Опять повисло молчание.

— Я дам тебе настой. Но это будет последний. До следующего твой зять не доживёт. И его уход будет на твоей совести, — наконец сказала хозяйка.

— Моей совести уже ничего не страшно. Пусть лучше дочь вдовой будет, чем оставленной, — сказала Тимира.

После этого в избе были какие-то звуки, потом дверь открылась, и Тимира ушла.

Я продолжала лежать за печкой не шевелясь, и лишь через некоторое время колдунья разрешила мне выйти.

— Что смотришь на меня? — спросила она, увидев мои глаза, полные вопросов. — Это там, в селении, все гордые да властные, а ко мне приходят, так сразу плачут.

— Зять Тимиры хочет уйти от её дочери? — спросила я.

Колдунья неожиданно подскочила ко мне и сказала, сверкая глазами:

— Не вздумай никому об этом говорить, забудь всё, что сейчас слышала. А то нам обеим несдобровать. Особенно те-

бе, я-то уже старая, мне и уйти не страшно. А тебе ещё жить и жить. И жизнь у тебя ого-го какая длинная впереди!

В глазах женщины появилось такое, что мне захотелось зажмуриться и убежать.

— Не бойся, хватит у тебя сил, да и я, пока смогу, помогу, — гораздо добрее сказала женщина. — Пришло время тебе узнать правду о своём происхождении. Долго я думала, говорить тебе или нет. Да потом поздно будет. О другом думать будешь днём и ночью, — она усмехнулась.

Глава 3

История колдуньи

«Я родилась далеко от этих мест. Отца не помню, мы с мамой вдвоём жили. Её не любили на родной земле, ведьмой считали, как и меня сейчас. А матушка никому плохого не делала, наоборот, помогала и жизни спасала деткам малым: она малышей хорошо лечила, сразу их болезни видела. И не её вина, что такой родилась. Не простили ей люди превосходства и осудили.

Однажды принесли к ней ребёночка, совсем кроху, горит весь. Матушка говорит:

— Не жалец он, забирайте.

А ей отвечают:

— Не тебе, ведьма, судить, жалец он или нет. Твоё дело — лечить. Да смотри: покинет нас, тебе самой не жить.

А родители того младенца были из семьи старейшины,

долго ребёночка ждали, все идолы дарами обложили, не приходило дитя к ним. А тут родился, да не жилец.

Матушка сделала всё, чтобы вылечить малыша, но у неё не вышло.

Впервые тогда видела я маму плачущей. Обняла меня и говорит:

– Бежать нам с тобой надо, девочка, не пощадят нас. Времени до утра лишь осталось. А ребёночка этого я не спасу. Слишком много худого этот род сотворил, не дают им наследника.

Собрали мы с ней всё необходимое и сбежали, пока не пришли утром ребёнка проведать. Мама что-то читала по дороге, чтобы следы спутать. Не догнали нас.

Когда позади раздавался вой волков, я пугалась, жалась к ней, а она только дальше что-то бормотала.

Скитались мы долго, пока на одной из ярмарок не встретили моего отчима. Он как матушку увидел, так и не отходил от неё, пока она не согласилась его женой стать. Привёз он нас в это селение. Нас с мамой сразу невзлюбили: чужие мы здесь, не похожие на других.

Мой отчим маму в обиду не давал. Дом построил, огородил, всех молчать заставил, что женщину без рода взял, да ещё с ребёнком. Только всё расстраивался, что матушка больше родить не смогла. А она мне говорила, что если бы первыми мальчики у неё были, то тогда рожала бы каждый год. А как только девочку родила, вся сила женская и ушла.

Жили мы спокойно несколько солнц, пока отчим не перешёл в царство Мары. Нестарый он ещё был, а ниточка жизни оборвалась. За ним и мама вскоре умерла. В последний свой вечер наказала мне, чтобы, как только её провожу, сразу покинула это селение. А я не послушалась и после смерти матушки решила остаться. Жаль мне было покидать дом ухоженный, да и по всей земле я больше ни одного человека не знала, а тут прижилась уже.

Пока матушка была жива, она научила меня многим премудростям, но людям свой дар не показывала. Они, может, и догадывались, что она лечить умеет, да не просили никогда.

А я глупая, решила похвастаться, что умею. Как-то заболел у соседки отец, я сразу почувствовала, что сердце у него не так бьётся, заварила нужный настой, принесла. Соседка на меня подозрительно посмотрела, но настой взяла. Когда близкий болеет, за любую соломинку схватишься, чтобы спасти. А мужчине и легче стало. А утром она сама прибежала, гостинцев принесла, просила ещё целебного отвара дать.

Так и пошла обо мне слава. Со всей округи страждущие приходили. А мне и радостно: дар не пропадает, людям служит, меня почитают. Да рано радовалась: люди — они ведь только в нужде покладистые, а как силу возымеют, так сразу змеем оборачиваются.

Завидовать мне стали, что не делаю я ничего, а живу хорошо. А когда мне хозяйство вести, если то травы собрать надо, то живицу с деревьев снять, то коренья в нужное время

выкопать. А ещё всё приготовить, смешать. Ведь каждому человеку своя порция нужна. Что одного вылечит, то другого покалечит. Порой и отдохнуть было некогда, в очереди болящие ожидали. В благодарность еду оставляли, самое лучшее несли. Так и получалось, что у меня в доме всё хорошее было.

Но никто о моей помощи не вспомнил, когда злость глаза застила.

Нежданно пришли в селение бедствия: лето в тот год было неурожайное, а зима холодная, зверь в капканы не попадался, и начался голод во дворах. Селяне на меня подумали, будто из-за моего колдовства их Боги наказывают.

Одним вечером чувствую: тьма сгущается, обволакивает, дышать дома нечем. Выглядываю в сени, а там полыхает пламя. Еле выскочить успела. А на улице меня уже селяне ждали, да не с пустыми руками. У каждого кол в руках. Как я тогда от них убежала — до сих пор не ведаю. От страха ни рук, ни ног не чувствовала. Через лес бежала, как по чистому полю. Через коряги перескакивала, как через травинки. В конце выбежала к незнакомой полянке. Я хоть лес и знала, но в этой части не бывала. Говорили, что здесь сила нечистая живёт, никто сюда не хаживал.

А тут смотрю, домик посреди полянки, вот этот, в котором сейчас с тобой сидим, а на пороге старик стоит, на меня смотрит. Постоял и в избу зашёл, дверь не закрыл. А мне деваться некуда, я за ним пошла.

Перешагнув порог избы, я поняла, что так и не могу отдышаться. А ещё меня охватил страх. Я не знала, где нахожусь. Вокруг висели шкуры зверей, от печки несло неизвестными мне запахами, но самым невозможным для понимания был хозяин постройки. Он был много старше меня, выглядел как косматый старик, весь заросший и со шрамами на лице. Это я позже узнала, что ему всего сорок солнц, а тогда он показался мне древним стариком.

Я знала, что в эту часть лесу никто из селян не заходит, боятся старого духа.

«Неужели это он и есть?» — подумала я, непроизвольно пятясь к двери.

Но всё-таки начала понимать, что передо мной человек, а не дух. Я слышала его дыхание, видела, как мужчина открывал дверь избы, значит, имел тело, на печи у него готовилась еда. А вот что он там готовит, я не знала и задрожала всем телом, представив самое страшное.

Старик внимательно смотрел на меня. Его взгляд прожигал меня до костей. Я хоть и сама умела читать мысли людей, перед ним была бессильна, а он видел все мои мысли, в этом я не сомневалась.

— Гнали тебя? — спросил он.

Голос прозвучал хрипло и не совсем внятно, как будто старик давно не пользовался речью. Но голос точно был человеческим, и я немного успокоилась.

— Да, — ответила я. — Селяне сожгли мой дом.

Старик помолчал.

— Ничего не меняется в этой жизни, — сказал он. — Ты не из местных? Не похожа на этих людей, — продолжал он.

— Мы с мамой переехали издалека, жили на краю селения. Мамы уже два солнца как нет. Перед уходом она наказала покинуть это место. Да идти мне некуда, вот и осталась, — ответила я.

— Начала помогать людям, а они тебе жизни не дали? — усмехнулся старик.

— Откуда вы знаете? — удивилась я.

— А что здесь знать: со мной так же было, — сказал он. — Боишься меня?

— Да, — честно ответила я. — В селении говорят, что здесь живёт злой дух, он не щадит никого, кто забредает на его территорию.

— Как же щадить, если они меня не пощадили, око за око... — проговорил изменившимся голосом мужчина.

Я начала замечать, что он не так стар, как мне вначале показалось. Просто его лицо было всё в шрамах от ожогов, что делало его более старым на вид».

Колдунья замолчала. А я будто очнулась ото сна. Мне казалось, что наяву увидела все картины, о которых вспоминала старая женщина. Как молодой девушкой бежала она по лесу, спасаясь от преследователей, как попала к старику в избу, в которой мы сейчас сидели.

— Сейчас здесь иначе, да? — спросила я, оглядываясь вокруг.

— Да, за столько лет я всё изменила. Особенно, когда Ваида не стало, — услышала я ответ.

— Это так звали старика, с которым вы здесь встретились? — уточнила я.

— Да, я осталась с ним жить. А куда мне было податься? — продолжила свой рассказ колдунья. — Старик оказался человеком, а не злым духом, как о нём рассказывали. Он жил в этой избе с тех пор, как селяне сожгли его дом, а в огне погибли его жена и двое сыновей. Мстили ему за то, что не похож на других. Силу имел могучую. Моя по сравнению с ним — это слабый уголёк. Смотреть умел так, что насквозь прожигал. Обряды такие проводил, что звери из нор выйти боялись. Хотя зла никому не делал. Но страх людей сильнее разума. Не давали ему спокойно жить в селении, сначала жену изводили, потом дом подожгли. Вот и мстил он каждому, кто был причастен к гибели его родных. Люди же считали, что сам он в огне погиб, а его дух остался и мстит всем. У всех зачинщиков расправы дворы разорились и дети повымерли. Да только его детей это не вернуло.

Колдунья помолчала.

«Я осталась жить в доме колдуна. Сначала очень боялась его, сторонилась. Глаза его жгучие, казалось, светились в темноте. Когда приходила полная луна, он занимался кол-

довством. Говорил, что не уйдёт, пока не отомстит всем обидчикам своей семьи.

Селяне, причастные к расправе над детьми Валида, увидев, что происходит с их соседями, бежали в другие земли. Вот их он и искал в периоды полнолуний. Земли наши просматривал, ниточки жизни предателей запутывал. И никто от него не скрылся.

Так мы и жили. С охоты он приносил добычу, воды из родников в лесу брали, травы я с лета заготавливала, грибы да ягоды собирала. Скучала я по обычным людям, по разговорам с ними. Пару раз уйти собиралась, да лес кругом, конца и края не видно. Только к нашему селению выход есть. А от него до других селений ещё далеко. Мы с мамой на повозке ехали, когда прибыли сюда. У меня лошади не было. Так и осталась я с ним. Привыкла.

Не такой и страшный он был в обычное время. И не так стар, как мне сначала показалось. Шрамы многие затянулись, а силы ему было не занимать.

Стали мы жить как муж и жена. Мне казалось, что даже сердце у него приоткрылось мне навстречу. До этого закрыто на засов было. Как неживой он ходил.

Да только не было нам счастья. Двое мальчиков подряд, которых я родила, ушли в первую же Луну. Ни я, ни он не смогли им помочь.

После этого ещё больше замкнулся Валид. Ушёл на дальнюю часть леса, у него там хижина была сложена. На случай

побега готовил. Так и жил там целое солнце. А я без него научилась справляться. Силки на мелких зверьков ставила, так и прожила.

Но его взгляд всё время чувствовала. Как будто присматривал он за мной.

А потом вернулся. И Лада-матушка послала нам дочь. Я сразу поняла, что будет девочка. Мальчики меня мучили, будто что-то тёмное поселялось во мне. Видимо, брали отцовскую силу, и бродила она во мне, наружу порывалась. Как те две беременности выходила, и не помню, всё в один сон слилось. Валид настои делал, чтобы не так тяжело мне было, да не помогали они.

А с девочкой всё было иначе. Легко прижилась она, легко носилась. Летала я, как на крыльях. Думала, счастье мне наконец отмерено. Будет у меня дитя любимое. Растить её буду, всем сердцем любя, всю себя отдавая. Все несчастья забуду.

А Валид странно на меня поглядывал. Но что думал, не говорил. Знала я, вреда он мне не причинит. Но взгляд его задумчивый — настораживал.

И вот пришло время ребёнку родиться. Чувствовала я приближение долгожданной встречи, но на сердце беспокойно было. Как будто неотвратимое, неподвластное подбиралось ко мне.

Родилась наша девочка в светлую зиму. Мы оба с Валидом не могли налюбоваться на неё. Я чувствовала, как любовь

заливает моё сердце, радостно было кормить её и ощущать тепло маленького тельца.

Она была прекрасна всем. Светлый, чистый ребёнок, смотрящий на мир невинными глазами.

В те несколько недель я думала, что все несчастья позади. Даже надеялась, что ради дочери Валид согласится уйти из этого леса и добраться до другого селения людей.

Я и раньше предлагала ему это, но он категорически отказывался, говорил, что никогда больше не будет жить среди слепых. Так он думал обо всех людях, не обладавших даром. Ведь они по незнанию боялись и ненавидели таких, как мы с Валидом.

Его дар был пугающим даже для меня. Валид многому меня научил. Но одно дело перенять знания, другое — быть ими, чувствовать силу изнутри.

— Ты и светлая, и тёмная, — говорил он мне порой, — оба светила смешаны в тебе, и ни одно не берёт полную власть. Я поэтому и позволил тебе остаться у себя в избе, хотел посмотреть, что победит. В любом человеке равные половинки заложены, а вот кто как ими распорядится, показывает время.

Но быстро прошло время радости, пришло время испытаний.

Стала наша девочка беспокойной. Как Валид к ней подходил — заходилась в крике, да и меня не особо принимала.

Я сначала думала, что дело в животике, сама не раз помо-

гала молодым матерям справиться с ранними криками у детей. Но ни травы, ни заговоры не помогали моей дочери. С каждым днём она кричала всё громче и успокаивалась, только когда нас не было рядом.

Однажды Валид заставил меня положить кричащего ребёнка в кроватку и уйти за пределы нашей опушки.

И чем дальше мы уходили от дома, тем легче чувствовал себя ребёнок. Я прямо видела, как пелена отступает от неё, глазки открываются, и она начинает интересоваться игрушками, которые я для неё у колыбели повесила.

Но стоило нам с мужем начать приближаться к избе, как дочь менялась. На неё накатывал страх, и она начинала плакать.

— Как такое может быть, что дитя родное матери боится? — со слезами на глазах говорила я Валиду.

— Ты сама молила об этом Богов, — сказал муж, — теперь видишь, к чему это привело.

— О чём ты говоришь? — с ужасом спросила я.

— А не ты ли после ухода двух наших мальчиков, чьё тело не выдержало силу, им переданную, молила Богов, чтобы Сила обошла твоё дитя стороной, чтобы родилась у тебя обычная девочка, не наделённая даром, и могла она жить, как все слепые? — ответил Валид.

— Я не об этом просила! — воскликнула я и замолкла. Потому что была правда в его словах. Молила я, чтобы обошла стороной мою дочь участь её братьев, чтобы была у неё

жизнь спокойная, чтобы не ведала она силу неземную, не боялись её селяне и не завидовали. — Как же так получилось, что дитя чистое не выдерживает наше присутствие?

— Темнота наша на неё давит, ты ведь тоже темнее рядом со мной становишься. Сила не просто так в нас живёт, она источники ищет. А ребёнок — наичистейший источник, — ответил колдун.

— Ты говоришь, что мы своего ребёнка выпиваем? — с ужасом спросила я.

— Не мы, а наша сущность её пугает, опасность от нас она чувствует, вот и кричит. Как все слепые: боится и спрятаться хочет. Но беспомощна пока, не может убежать.

Я не знала, что делать с этим. Доченька изводилась целыми днями, даже когда Валид уходил далеко, меня тоже чуждалась.

А через полсолнца девочка совсем увядать стала. Вместо развития становилась всё более тихой и тоненькой. Устала кричать, а сбегать сил не было. И усыхал мой цветочек, не успев зацвести.

Валид, вернувшись из дальней хижины, увидел, что совсем плохо ребёнку и никакие наши усилия не могли ей помочь. И принял самое сложное для нас решение.

— Мы должны отдать свою девочку, — сказал он мне.

Несколько дней я ещё боролась за свою малышку, но как ведунья и мать чувствовала, что жизнь покидает её. Никаких видимых причин для этого не было, и все наши с Валидом

знания не помогали.

Мы пытались поставить на неё защиту от нас, чтоб наша Сила на неё не давила, но не получалось, не держалась она. Пытались передать дочери часть своей силы, но девочке от этого становилось только хуже.

В один из дней Валид сказал мне:

— Я знаю одну семью в селении, они никогда в гонениях на нас не участвовали. Ты тоже их знаешь. Много лет они дитя ждали, Богов просили, но долго не одаривали их ребёнком. Незадолго до нашей дочери родилась-таки у них девочка. Хиленькая, слабенькая, по крови там немощь идёт, не помочь ей. В эту ночь её не станет.

Я внимательно слушала мужа, уже понимая, к чему он ведёт, но не могла в это поверить.

— Я подменю детей, — продолжал Валид. — Заберу их ушедшую девочку, а нашу принесу на её место.

Слёзы покатались из моих глаз.

— Ты хочешь отдать нашего ребёнка? — спросила я, крепче прижимая к себе малыша, которая уже не могла плакать из-за слабости. — Думаешь, она у них выживет? Смотри, какая слабенькая стала.

— Это единственное, что мы можем для неё сделать. Как только наше давление ослабнет, она поправится и больше никогда не будет болеть, — ответил муж.

— Но как ты это сделать? Как ты незамеченным пройдёшь во двор?

— Я людям глаза отведу. Собак, правда, извести придётся, они не глазами живут, а чутьём. Но ничего, не впервой. Смотри, какая луна полная, она мне силы добавит. До следующего полного диска новая семья на ребёнка сквозь пелену смотреть будет. И видеть в ней свою дочь. А потом глаза начнут открываться, но дети в младенчестве быстро меняются, когда морок спадёт, они ничего не заметят, — Валид помолчал. — Выпей сонной травы, через молоко она дочке попадёт, и я смогу её неслышно донести и положить в людскую колыбельку.

— Ты отдашь её слепым? — обречённо проговорила я.

— Это семья не совсем слепа. Они силу уважают и не завидуют нам, — ответил Валид.

Я выпила настой и через некоторое время, уже засыпая, в последний раз покормила доченьку. Я чувствовала, как Валид аккуратно берёт её из моих рук, долго смотрит, запечатлевая её черты в своём сознании, и уходит из избы.

А я провалилась в небытие. Мне казалось, что я следую за мужем. Вижу, как он подходит к селению, просвечивает взглядом пространство, читает какой-то заговор, и все собаки, что могли его учуять, падают замертво.

Валид входит в избу, хозяева тоже крепко спят, а их ребёнок уже не дышит. Мой муж меняет местами младенцев и уходит в темноту. Моё же сердце остаётся рядом с доченькой. Я будто вижу обстановку вокруг неё, бедненькую, но пропитанную любовью. Старую бабушку на лежанке, уже

немолодую пару, которая так долго ждала своего ребёнка и в эту ночь потеряла, обретя вместо него мою дочь.

Слёзы душат меня. Я порываюсь встать и пойти туда, забрать свою девочку, пока ещё можно. Пока никто не проснулся. Но ноги ватные, я не могу идти, всё больше проваливаясь в сон.

Проснулась я ближе к вечеру. Валида дома не было. Я по привычке поспешила к колыбели, но она была пуста. Я села рядом, и ни слезинки больше не вышло из моих глаз. Я как будто высохла изнутри.

С тех пор я стала ходить к дому, куда мы отдали свою дочь. Я больше не могла на расстоянии видеть, что в нём происходит, как в ту ночь, когда муж уносил нашу девочку. Мне надо было подходить ближе.

Я останавливалась так, чтобы меня не чуяли собаки, и смотрела внутрь. Сначала не получалось. Видела только сруб да двор. А так хотелось узнать, как там моя доченька. Лучше ли ей, жива ли она.

И я начала представлять, будто и я, и стены дома, и внутренняя обстановка прозрачные, как льдинка. И в один момент почувствовала, как сливаюсь с пространством, растворяюсь в нём и ощущаю то, что происходит внутри дома.

Так я чувствовала старушечью усталость бабушки, радость родителей, у которых начала поправляться дочь, и её саму. Слегка удивлённую, любознательную, откликающуюся на ласку подошедшей женщины.

Но как только я соединялась со своей доченькой, она начинала капризничать, и я ощущала, как заботливые руки начинали качать её и успокаивать. Тогда я шла домой.

Порой я хотела вернуться в селение, занять чей-то пустующий дом и жить среди людей, видеть свою дочь, когда она будет ходить с названной матерью по селению, когда девицей будет гулять с парнями.

Но случайная встреча в лесу с одной из жительниц, которая стала кричать мне: «Сгинь, ведьма!», убедила меня в тщетности моих желаний. Не суждено мне жить среди людей.

А Валид... Он больше не вернулся в избу, после того как отнёс нашего ребёнка людям.

Я чувствовала, что он ушёл в лесную хижину, и считала, что он рано или поздно придёт ко мне, как было после смерти наших мальчиков. Но он не вернулся.

Однажды ночью я проснулась от объявшего меня ужаса. Мне казалось, я слышу рёв медведя прямо рядом с избой. Но, сбросив морок сна, я поняла, что это происходит не здесь, а далеко в глуши леса.

Я чувствовала решимость Валида и свирепую ярость хозяина леса. Потом была короткая схватка, из которой Валид просто не мог выйти живым. Да и не пытался.

Я поняла, что он специально вышел на медведя и спровоцировал его на нападение. Пытаясь своим мученическим уходом искупить свои грехи и облегчить жизнь нашей девоч-

ки. Все его мысли в тот страшный момент были о ней...»

Глава 4

Я тёмная или светлая?

Колдунья замолчала. Я тоже сидела оглушённая её рассказом, не в силах вздохнуть и почувствовать дыхание жизни.

– Жертва Валида была не напрасна. С тех пор твоя мать ни разу не болела, она росла крепким, здоровым ребёнком. Не любя любую магию, будто чувствуя, что ей пришлось из-за этого пережить.

Я во все глаза смотрела на собеседницу, не веря, что она говорила о моей матушке.

Ещё недавно в моей жизни не было и намёка на магию. Мои подружки иногда шутили между собой, гадали на цветах, кореньях, кто-то пытался увидеть в воде очертания своего будущего. Но я всегда с опаской относилась к их проделкам. Ощущение опасности, исходившее от магии, передавалось мне от матушки. Меня начинало кружить, когда я смотрела на ритуалы, неумело проводимые подругами.

Я знала, что они порой бегали к лесной ведьме погадать на суженого или попросить заговорённого зелья. Но я никогда с ними не ходила. Ноги не вели. И только когда нелюбый мне Бартан надумал свататься, я побежала, не разбирая дороги.

Но даже тогда магия казалась мне такой далёкой. И в глубине души я не верила, что колдунья поможет мне. Её мир был далёк от меня, иллюзорен среди будничных трудов в се-

лении. А всё оказалось правдой: и силы, и обряды, и магические настои. Если даже наша старейшина приходила к колдунье за помощью, значит, была в этом сила.

Но самое главное, что поражало меня, — что женщина, которая сидела передо мной и владела магическими знаниями, была таким же человеком, что и я.

Раньше я представляла себе колдунью непознанным духом, великим и могучим. Умеющим представлять в разных образах. Я не могла поверить, что всё гораздо проще, и магия в жизни ближе, чем можно себе представить.

И рядом со мной сейчас была женщина, которая, несмотря на все свои силы и знания, была несчастна. У которой была отнята главная радость: любить и обнимать своего ребёнка.

– Вы когда-нибудь общались с моей матушкой? — решилась спросить я.

Колдунья покачала головой и продолжила рассказ.

«Я очень хотела быть рядом с ней, хоть иногда видеть её, иметь возможность дотронуться, обнять. Ради этого я начала вновь помогать селянам. Я понимала, что это может плохо для меня кончиться и бежать мне будет уже некуда. Но сердечная тоска по своей малышке была сильнее разума.

Я изучала растения, развивала свою связь с духами леса, они учили меня свойствам трав и корений. Я всё записывала и составляла настои.

Однажды в селение приехали чужаки. Большая семья. Они начали строить себе дом на окраине. И мне они сразу не понравились. Чем-то нехорошим от них веяло. Но они никого не трогали, и селяне позволили им остаться. А потом в домах начали болеть дети. Какой-то новой хворью. Мы о такой ранее не слышали. И тогда я поняла, что меня смущало в незнакомцах: было что-то в их крови, что могло погубить всех.

Я очень беспокоилась за дочь. Ведь она тоже жила в селении. Дети после той хвори уже не вставали. Селян охватил ужас. По старой привычке они подожгли дом незнакомцев, но те успели вовремя потушить. Однако через несколько дней всё-таки съехали с нашего места.

С их исчезновением ничего не изменилось. Дети продолжали болеть. И тогда я начала просить духов и Богов, чтобы послали мне знания, как исцелить эту немощь.

В один день руки сами начали брать травы, смешивать их, добавлять новые. Я помню, что сама всё делала, но как будто кто-то вёл меня, подсказывал. И когда смесь была готова, я пошла в лес. Близко к селению я никогда не подходила, уже научилась чувствовать свою дочь на большом расстоянии, но селяне стали заглядывать в мою часть леса.

Как я потом узнала, они почувствовали уход Валида. Конечно, никто не знал, что случилось. Но ощущение, что ушла темнота, дух отщепенца покинул эти места, было невозможно пропустить даже слепым. И селяне перестали сильно бо-

яться этой части леса. Я порой слышала их ауканье.

Вот и в тот раз я пошла в сторону селения и встретила двух женщин, они собирали ягоды. Увидев меня, насторожились. Но обе были измучены. Каждая уже потеряла по ребёнку. И тряслись над здоровьем оставшихся.

Я протянула им мешочек со смесью.

— Это поможет вашим детям. Передайте это тем, кто сейчас сильно нуждается в исцелении, — сказала я.

Они ничего не ответили. Только молча кивнули в ответ.

Несколько дней я прислушивалась к себе, но ничего не происходило. Я даже решила, что обманула меня сила, пуштышку я селянам отнесла.

А потом пошла радость. Она звенела в воздухе, разливалась между деревьев, я чувствовала ликование на нашей земле: дети стали поправляться.

Спустя время пришли ко мне две другие женщины и принесли дары. Они ничего не говорили, но в их глазах была благодарность.

Почти все дети в селении поправились. Твою мать эта хворь даже не коснулась, может, потому что отдал ей Валид своё здоровье.

С тех пор люди стали обращаться ко мне за помощью и больше не делали зла. Я стала вхожа в селение. Мне даже предлагали вернуться и занять один из пустующих домов. Но я отказалась.

Я начала захаживать в селение, надеясь встретить свою

дочь. Но случалось это крайне редко. И она всегда убегала от меня. Как в младенчестве кричала на руках, так и в юности пряталась, как только замечала на дороге».

При упоминании об этих событиях в глазах колдуньи появились слёзы. Я вспомнила, как матушка всегда чуждалась любых ритуалов и упоминаний о магии. Однажды мы с подругами набрали ароматных трав и начали приговаривать, что навар этот нам на красоту и привлекательность. Я выпила — такой счастливой себя чувствовала, как будто красота моя умножается.

Придя домой, хотела поделиться с матушкой, понесла чашку ей выпить, но не сказала, что это с наговором вода. Так ей сразу плохо стало. Матушка начала тяжело дышать и посмотрела на меня странными глазами:

– Ворожила? Ворожила, да? — чуть не задыхаясь, спросила она.

Я испугалась и всё рассказала, попросила прощения. Ох, и попало мне в тот раз. Больше я в таком не участвовала, хоть и очень хотела. А матушка просто воды выпила, и лучше ей стало.

— Бабушка, скажите, — я рискнула так назвать колдунью, поскольку у меня не было сомнений в правдивости её рассказа, — а почему мне не плохо от магии, как матушке?

– Так ты другая, — ласково проговорила женщина, она

как будто погладила меня словами, обогрела. — Сила к тебе через поколение перешла, она изменилась, кровь твоего деда разбавилась родом твоего отца. У него хоть и нет силы магической, но семья сильная. Брат твой в него пошёл, не взял он нашей с Валидом силы. А вот ты...

Колдунья замолчала и с интересом посмотрела на меня.

— Столько всего в тебе намешано. Столько ещё познать надо. Я ведь силу Валида не знала, чувствовала, что другая она, не такая, как моя. Древняя, могучая. Но ей управлять надо уметь. Наши с ним мальчики, видимо, были слабее, и забрала она их. А ты сможешь. Я знаю. Как только твоя мама понесла во второй раз, я сразу знала, что будет девочка. Светилась ты изнутри её. Я даже испугалась, как бы о тебе и другие не узнали. Так чётко тебя видно было, даже на расстоянии. Но люди не просто так слепы: им так жить легче. Я сама порой так хочу: не видеть, не знать, силу не ведать. Но нет у нас с тобой выбора. Если сила дана, то надо её использовать. Иначе давить она будет, разрушать. Всю жизнь может изломать. А если принять её да использовать ко благу, то жизнь счастливо развернётся. Сила тебе помогать будет. Вести по своему пути, а на нём и радость, и судьба твоя встретится.

— Во мне тоже сила есть? — не веря, спросила я. — Я даже мечтать не могла, что буду такой, как вы.

— Ты сейчас в самом начале своего пути, — улыбаясь, сказала ведунья. — Сила твоя начала просыпаться. Ростки свои

давать. И настой у вас с подружками такой получился, потому что ты слова наговаривала. И матушка тебя строго наказала заслушание, так как тоже чувствует, что меняешься ты, расцветаешь. Тяжело вам сейчас под одной крышей будет. Поэтому и остригли тебя и в сени выгнали, чтобы разделиться, остановить ростки пробивающиеся. Но ничего не получится, это твой путь. И я, пока смогу, помогу. Но тебе, девочка, много самой постичь надо.

— Бабушка, скажите, я тёмная или светлая?

— А небо какое? Синее или голубое? А может, красное? — спросила колдунья. — Разным оно бывает, а суть одна. Сила едина. Она как огонь: может дом спалить, а может пищу приготовить. Может обжечь, а может согреть. Как ты с огнём обращаешься, так он себя и ведёт. Если аккуратно, да с уважением, то он только пользу принесёт. А если со злостью, то уничтожит все. Так и Сила. Она Богами дана — значит, нужна. А как ты её применять будешь — такой она и станет в твоих руках.

Я слушала пожилую женщину и чувствовала, как во мне что-то меняется. Я всех колдунов плохими считала, а силу их — злом. А ведь они и добро нам несли: помогали, детей исцеляли, хворь прогоняли.

— Хочу добро нести, — сказала я. — Чтобы небо моё чистым было.

— Будет, — улыбнулась ведунья.

Глава 5

Кто мне предназначен

Я не заметила, как мы проговорили с колдуньей всю ночь. Я увидела за окнами её избы начинающийся рассвет и поняла, что моя жизнь больше никогда не станет прежней.

Мне хотелось ещё о многом расспросить свою новообретённую бабушку, но я знала, что мне пора возвращаться домой.

— Иди, девочка, — в очередной раз прочитав мои мысли, сказала ведунья. — Я никуда не денусь, я столько лет тебя ждала, и сейчас буду смотреть тебе вслед и радоваться, что ты нашла меня.

Мне захотелось обнять старую женщину, прижаться к ней, почувствовать тепло человека, который меня понимает. Мой страх перед колдуньей исчез, и я шагнула к ней, утопая в её руках, которые тепло обнимали меня, гладили по волосам, как будто качали в воздухе. Я почувствовала две капельки, упавшие мне на плечо.

— Я так рада, что нашла вас, — прошептала я.

Бабушка обнимала меня до тех пор, пора луч солнца настойчиво не постучал в окно.

— Беги, девочка, иначе осерчает отец, — сказала старушка, разжимая объятия. — Зайди на речку, нарви камыша. Пригодится, — добавила она на прощанье.

Я бежала по просыпающемуся лесу, и он будто приветствовал меня. Пели птицы, шелестели деревья, прыгали с

ветки на ветку белки, журчал ручей, вдоль которого я двигалась к реке.

Лес радовался новому дню, расстилал передо мной ковёр трав и цветов на опушках. И больше не пугал своей густотой и вековыми деревьями. Они казались родными и знающими мою историю.

Я выбежала к реке. Начала собирать камыш. Ни на миг не сомневаясь: раз бабушка сказала это сделать, значит, так надо.

Уже собираясь домой с охапкой камыша, я увидела несколько селянских девушек, подходивших к ручью. Поскольку я была острижена и общаться со мной им было нельзя, то они стояли вдалеке, ожидая, пока я пройду по узкой тропинке.

Девушки старались не смотреть на меня. Две из них были мои подруги по бывшим вольным прогулкам. А вот с третьей у меня была вражда. Не любили мы с Вассой друг друга.

Она стояла, насмешливо улыбаясь, и поправляла свою длинную косу. Поглаживала свои волосы и на меня поглядывала. Я шла мимо, стараясь не обращать внимания.

— Эй ты, Млада, хорошо тебе живётся безволосой? — крикнула она мне.

Другие девушки зашикали на неё, что нельзя с остриженной общаться. Но Васса не обращала на них внимания, продолжая кричать мне колкости. Пройдя мимо девушек, я оглянулась и решила сделать плохо своей обидчице.

«Ведьма я или кто?» — злясь, подумала я.

Посмотрев на бывших подружек, я увидела большой пенёк неподалёку от них.

«Вот бы тебя змея укусила», — продолжала придумывать я. И так сильно этого пожелала, даже представила, как из-под пня выползает тёмное тело змеи и, извиваясь, приближается к моей обидчице, а потом впивается ей в ногу.

Я так чётко увидела эту картину, что, когда Васса вскрикнула, отскочила, а потом и другие девушки начали визжать, совсем не удивилась.

— Ах ты змея! — крикнула мне вслед Васса. — Доберусь я до тебя.

— Ты сначала от яда избавься, — ответила я и ушла.

Я была довольна и напугана одновременно. Я впервые так сильно желала плохого другому человеку, и это происходило.

«Неужели я становлюсь тёмной?» — подумала я. И в этот момент споткнулась о выступающую корягу, больно ударившись ногой.

Я даже присела на землю от того, какой был удар. Начала растирать ушибленное место, которое начало раздуваться. Но мне надо было спешить, и я похромала домой.

Доковыляв до дома, я остановилась, чтобы отдышаться. Нога болела всё сильнее.

«Почему так больно?» — подумала я, растирая ушибленное место.

Как там Васса, которую укусила змея, я старалась не думать. Укусы змей в нашем лесу были не редкостью, после них селяне обычно выживали, но чувствовали себя плохо.

— Где ты была? — грозно спросил отец.

Я подняла голову и увидела его прямо перед собой.

— За камышом ходила, — ответила я, показывая на охапку, которую я принесла с реки.

Отец озадаченно смотрел на меня.

— Разве я уже отправлял тебя за камышом? — недоверчиво проговорил он.

— Я сама увидела, что у нас закончился камыш, из которого мы плетём корзины, и решила собрать новый, — ответила я.

— Ты не смей уходить из дома без моего разрешения! — строго сказал отец. — А то волю взяла, вот и поплатилась. Бартан на Вассе женится, а могла бы ты невестой ходить.

«Как хорошо, что они сошлись, — подумала я. — Теперь друг друга жалить будут, меня не трогать».

Но отцу ничего не сказала, только опустила взгляд.

— Иди суши камыш да не вздумай больше двор покидать, — услышала я вслед.

Я шла к сараю, а нога так и болела. Я думала, что можно сделать, приложила травку, которую матушка говорила к ссадинам привязывать, но она не помогала.

Только от прикосновения рук становилось легче. Я обвила больную ногу ладонями и начала жалеть её, как ребёнка.

Поглаживать, утешать. Мои руки стали будто горячими. Я чувствовала, что сами ладони прохладные, но изнутри шёл жар. Мне даже показалось, что я могу потрогать его. Сложила пальчики так, чтобы они образовали шар, и он как будто стал упругим. Я слегка двигала руками, и пространство между ними было живым. Оно переливалось между моими ладонями, растекалось по пальцам, отдавало тепло больной ноге, которую я поместила в центр шара. Мне становилось легче. Через некоторое время смогла наступать на ногу.

Чтобы не вызвать гнев отца, я начала раскладывать камыш для просушки, но делала небольшие перерывы и лечила ногу. К вечеру чувствовала себя гораздо лучше.

«Неужели я лечить научилась? — подумала я. — Надо бабушке рассказать».

В тот вечер я побоялась идти к лесной избушке. Мне ещё было больно наступать на ногу. Но на следующий вечер не утерпела и пошла к колдунье, когда стемнело. Я больше не боялась леса. Наоборот, мне казалось, что он оберегает меня, закрывает от ненужных глаз.

Бабушка ждала меня. Она обняла меня и ласково посмотрела в глаза.

- Как твоя нога, девочка? — спросила она.
- Откуда вы знаете? — выпалила я и тут же осеклась.
- А что тут знать — идёшь, прихрамываешь, — улыбнулась колдунья.

— Я её руками лечила, — похвасталась я. — Сложила ладошки кругом — и такое тепло внутри. Как живое пространство. Бабушка, это что?

— Это жизненная сила так себя показывает. Она невидима, её только ощутить можно. Как покалывание. Тепло или холод. Дуновение ветерка или мурашки по коже. Каждый по-своему чувствует и всё едино: думай о ней с уважением, помощи попроси, она и исцелит больное место, — ответила старушка.

— Я, значит, лечить умею? — спросила я.

— Почти каждый умеет, кто себя чувствует. А вот если развивать своё умение, то можно хорошо лечить. Главное — чужую болезнь на себя не брать.

— А как это?

— Ты, когда лечишь, должна чётко границу проводить. На себя защиту ставить и болезнь мимо уводить. Этому разные способы есть. Например, представляешь вокруг себя кокон из той же составляющей, что шар между руками, и говоришь ему, чтобы защищал тебя. А болезнь в теле человека можно в виде лишнего отростка увидеть. И вывести его в землю или в огонь. Будто покидает человека этот проросток и уходит в землю или в огне сгорает.

— А как я пойму, что болезнь прошла?

— Ты почувствуешь, что нет больше лишнего в человеке. Но это не быстро бывает. Порой кажется, что все корешки болезни из человека вынул, а он приходит через луну — и

опять ведь заросший.

— А почему так бывает?

— Разные тому причины есть. Не хочет человек ту болезнь отпускать, нужна она ему для чего-то.

— Бабушка, вы столько всего знаете! — с восхищением воскликнула я. — Скажите, почему я сегодня ногу ушибла, ровно после того как пожелала Вассе укуса змеи? Это наказание за то, что я ей дурное послала?

— Это за то, что ты силу не туда направила. Если мы с тобой будем по мелочам силу использовать, селянам по пустякам мстить, то Боги недовольны будут. Они не для того силу дали, чтобы мы главными себя здесь чувствовали. У силы всегда цель есть. И за её выполнением строго следят. Не будешь ей следовать — накажут.

— А как же мне понять, в чём моя цель? — испуганно спросила я.

— Это со временем приходит. Ты смотри по сторонам, себя изучай, силу свою уважай, она сама тебе подскажет, да и я помогу. А сейчас беги домой, я тебе мазь дам, спрячь её от матери, а сама ногу натирай: скорее пройдёт.

— Почему Васса ко мне цепляется, я ей ничего плохого не делала. Другие девушки мне сочувствуют, вижу по их глазам, — продолжала я расспрашивать бабушку.

— А сама не догадываешься? — улыбнулась колдунья. — Она давно на Бартана глаз положила, да не глядел он на неё. Всё на тебя посматривал. И завидовала тебе Васса. На

твоём месте быть хотела. Даже ко мне приходила, просила приворотного зелья для Бартана. Но я не дала. Я когда вижу, что чуждые люди друг другу, никогда их не свожу. Добра это не даст. Приворот волю подавляет, и дурное со дна души поднимается. Сидит в мужике злость иль подлость, но он её сдерживает, а как убьёт его волю колдовским зельем девица неразумная, так на неё саму эта злость и выливается. Сидит, плачет потом, да не всегда назад воротить можно. Или по здоровью удар придётся. Так что, девочка, ты в оба смотри, если за любовным зельем приходят: только если девица для своей половинки просит, тогда можно помочь. Но не привязать, а глаза парню открыть, чтобы сердцем её увидел, а дальше само сложится, — сказала колдунья. — А Вассе Бартан чужой. Его невеста ещё не подросла. Да родители жениться заставляют. У них в доме одни сыновья, матери помощница нужна, вот она и просит невестку привести. Сначала тебя выбрали, да ты сбежала. А Васса начала глаза мозолить, вертеться рядом. Родители Бартану и сказали, что если больше никого не выберет, то пусть к ней сватов засылает.

— А как же его настоящая невеста? Вырастет, а Бартан уже с женой и детками? — спросила я.

— А она за другого пойдёт. Так и живут люди с нелюбимыми, судьбу свою не дождавшись.

— Так ведь не знают же! — воскликнула я. — Как судьбу-то свою определить?

— Сердцем, девочка. Да и родители порой неплохо сводят.

Особенно бабки хорошо пары чувствуют. У хорошей свахи все семьи счастливые. Она чужих людей женить не будет.

Я вспомнила, что у нас в селении жила очень старая женщина, всю жизнь к ней ходили, когда детей женить пора было. Она посмотрит, подумает и говорит, к кому свататься. И правда, жили потом до старости вместе счастливо, ещё детей к ней водили за советом. Но завершился её путь, а преемницы не было. И с тех пор больше ссор стало в домах, меньше счастья.

— А Васса? Ей кто предназначен? — спросила я.

— А ей не скоро замуж выйти было. И своей настойчивостью она жизнь себе укоротит. Ей рожать много нельзя. Вышла бы попозже замуж, родила одного-двоих, и всё, её бабий век закончился. Жила бы себе дальше спокойно. А станет женой сейчас — начнёт детишек приносить каждый год. Да здоровье долго не выдержит, — грустно закончила ведунья.

Мне стало жаль Вассу. И Бартана, и его настоящую невесту, которая ещё девочка.

— А если им всё рассказать? — спросила я.

— Не стоит, — отмахнулась бабушка. — Никто тебе не поверит, и мне не поверят. Люди только сегодняшним днём живут. Скажи я Вассе, что ей ещё десять зим мужа ждать, послушает ли она, когда сейчас можно за Бартана выйти? Нет. Всё равно замуж побежит. Побойтся сидеть и ждать, да насмешки селян слушать, что пустой осталась. Потом отец из дома погонит. Нет, не дождётся она своего мужа. Люди себя

слушать не умеют, зато к другим прислушиваются.

— Её же змея укусила, может, это свадьбу отменит?

— Нет, поправится она скоро, и справят.

— А моя судьба когда придёт? — спросила я.

— Сама скоро узнаешь. Мимо сердца не пройдёт, — улыбнулась бабушка. — Надо мне тебя поскорее всему обучить, а то скоро тебе не до травок с кореньями будет.

Глава 6

Чужаки

«Неужели мой суженый рядом? — думалось мне. — Как же я его встречу? Что отец скажет?»

Я возвращалась домой, захваченная своими мыслями. И вдруг увидела, как с дальнего конца леса выезжает несколько повозок с людьми. Они ехали не спеша, явно гружёные. Я спряталась за деревья и стала наблюдать. Было видно, что это чужаки. Их одежды отличались от наших, а кожа была более смуглая. На козлах сидело несколько молодых отроков, женщин видно не было.

Я вспомнила рассказ бабушки, как чужаки в её молодость привезли хворь, от которой детки уходили. И невольно попятилась вглубь леса. Повозки поехали к селению. А я побежала домой, стараясь держаться под прикрытием леса.

Чужаки проехали всё наше селение, не обращая внимания на любопытные взгляды, которыми провожали их жители.

На пустующей земле чужаки останавливали свои повозки,

оглядывали местность, что-то говорили друг другу и ехали дальше.

В конце концов они вернулись на место въезда в селение, где я впервые их увидела, и стали там разбирать свои вещи.

Появление чужаков вызвало волнение среди жителей. Старейшины ждали, когда прибывшие придут на поклон и попросят разрешения остаться на нашей территории. Но чужаки не спешили соблюдать традицию и не присылали гонцов.

Всё это я слышала, сидя под окном своего дома; родители обсуждали, чем нам грозит прибытие новых людей.

Старшие пугали молодёжь своими воспоминаниями о детской хвори, случившейся много лет назад из-за прибытия похожих людей. И даже хотели выгнать чужаков. Но никто не решился этого сделать.

Через несколько дней от чужаков всё-таки пришёл к старейшинам селения молодой парень, представился старшим сыном и сообщил, что его семья будет жить в стороне от селения, на территории, считающейся по нашим законам ничейной.

Возразить на это было нечего, и чужаки начали обустривать свой надел.

Каждое их действие вызывало обсуждения в домах селян. Сначала они поставили высокий забор, такой, что с дороги не было видно, что происходит внутри.

Это спровоцировало волну слухов, что чужаки обязатель-

но будут творить что-то тайное, иначе зачем им так прятаться.

Ещё среди новых людей было не видно женщин. Начали ходить слухи, что женщин они изводят после рождения детей. Иначе как объяснить наличие детей и отсутствие жены?

Самому младшему мальчику было на вид лет семь. Глава семейства был в сединах. И несколько сыновей разного возраста. Самый старший из них и ходил к старейшинам.

Моя дорога к колдунье лежала как раз через ту часть селения, где начали обосновываться прибывшие. Я старалась ходить под покровом леса, прячась за молодой порослью и хвойником.

И всё равно чувствовала направленный в мою сторону взгляд. Хотя никого не было видно. Меня никто не останавливал и не окрикивал. И я продолжала навещать старую женщину.

– Бабушка, скажите, что это за люди, они не несут нам опасности? — спросила я как-то.

– Всё новое опасно своей неизвестностью, — ответила она. — Но плохого я в них не чувствую. Чужое — да, есть. Другие они, не такие, как мы.

– Они не люди? — с ужасом спросила я.

– Ох, глупая, люди, конечно. Приспешники Нави в нашем мире не показываются. Их только почувствовать можно, по ощущениям определить, во сне увидеть, в ритуале вызвать, но чтобы по земле ходить — нет, такого не бывает. Чужаки

такие же люди, как мы с тобой. Но мысли у них другие. Думают они иначе и живут поэтому по-другому.

Я смотрела на ведунью с удивлением. Что значит «думают иначе», я не понимала. Мысли — они все одинаковые.

— Сама скоро поймёшь, — продолжала бабушка. — Мысли — они на делах сказываются, на поступках людских отражаются.

— Я когда мимо них иду, мне всё время кажется, что они на меня смотрят, но никого не видно, — сказала я.

— А они и смотрят, — улыбнулась колдунья. — Не простые это люди.

— Они тоже силу имеют? Как дедушка Валид?

— Такой силы я у них не чувствую, но они и не слепые, — ответила бабушка и как-то внимательно на меня посмотрела. — Кого из них ты уже видела?

Я почему-то зарделась.

— Я только один раз смотрела, как они приехали в селение. Видела отроков, которые управляли повозками.

— Ты сильно не показывайся, рано ещё, — ответила колдунья.

— Для чего рано?

— Скоро узнаешь. А пока не приходи ко мне. Твой отец начал замечать, что ты часто отсутствуешь. Он пока тебе ничего не говорит, хочет выяснить, куда ты ходишь. Если узнает, что ко мне бегаешь, отдаст тебя в прислужницы.

— Нет, я не хочу! — испуганно воскликнула я. — У нас

недавно забрали двух девушек во служение. Неужели ещё приедут?

— Не приедут, но отец тебя и сам тебя отвезти может. И будешь всю жизнь в княжеском граде прислуживать, а свою судьбу потеряешь.

— Отец не может быть таким жестоким!

Бабушка грустно посмотрела на меня:

— Девочка моя, ты даже не представляешь, на что способны родители из любви к своим детям. Порой любовь принимает такие формы, что диву даёшься. А отец тебе добра желает, но совсем не понимает того, что для тебя добром будет. Для него — жизнь в сытости и повседневном служении лучше, чем беседы с полоумной старухой.

— Но вы не полоумны! Вы столько всего знаете! — ответила я.

— Это для тебя мои знания важны, а слепые их пустыми считают, бесовскими. Так что не гневи отца. Пока он за тебя решает, надо быть аккуратной.

— А когда я смогу сама за себя решать?

— Никогда, женщине не дано такого права. Но выйдя замуж, ты сможешь убедить мужа делать так, как тебе надо, — улынулась бабушка.

— А как это? — уточнила я.

— Лаской и умом. Лаской ты мужа к себе расположишь, а умом к нужному подведёшь.

— Где же столько ума взять, чтобы на мужа влиять?

— Это с возрастом приходит, девочка, — обнимая меня, сказала пожилая женщина. — Иди, будь на своём дворе. А как невогмугу станет — приходи.

— А что случится? — спросила я, чувствуя, что бабушка что-то знает и не говорит.

— Знать мнугу — стариться быстро, — услышала я в ответ. — А тебе старость нечего подгонять, юностью наслаждайся.

Следующую луну я не ходила к колдунье. Как она и сказала, отец тщательно следил за мной. Я раньше не замечала, а сейчас видела, как он постоянно проверяет, где я.

Поэтому вела себя очень осторожно. Все свои познания забросила. Травы больше не собирала, к реке не ходила и в лес тоже не отлучалась.

Работала только во дворе, старалась чаще попадаться отцу на глаза, чтобы он знал, что я всё время дома.

Спустя некоторое время заметила, что следить за мной стали меньше, даже начали давать поручения в селении.

С момента моего острижения прошло уже несколько месяцев, волосы отрастали так быстро, что я перестала чувствовать себя слабой.

Участвовать в общих сборищах я не могла, но сидеть в сторонке мне разрешалось.

В нашем селении как раз шёл период сватовства и свадеб. Парни с девушками участвовали в традиционных гуляниях под надзором старших женщин и выбирали себе пару.

Тех, кого заранее просватали родители, отпускали погулять вдвоём. Часто невеста выходила замуж, уже ожидая ребёнка, но при наличии сговора семей это не считалось отступлением от правил. А вот если такое позволяла себе девушка, ни с кем не сговорённая, то её ждало наказание.

В нашем селении такое было лишь однажды, тогда мать девушки не дала известить её ребёнка, и они обе были изгнаны из дома. Их дальнейшая жизнь никому не известна.

— В период гуляний будь очень осторожна, — говорила мне часто матушка, — пока жених к нам с отцом не придёт, не ходи с ним к реке. Не одна девица так себе жизнь сломала. Молодец даже не оглянется, дальше пойдёт, а ты всю жизнь расплачиваться будешь. Если вообще жизнь сохранишь.

— Матушка, а почему так несправедливо? Разве он не так же виноват будет, что сдержать себя не сумел? — спросила я.

— Виновата будешь только ты! — безоговорочно сказала мама. — Так что смотри мне, береги себя!

В этом году меня никто не рассматривал в невесты, мои стриженные волосы делали меня несостоятельной для свадьбы. И родители не так беспокоились за меня.

Парни и правда не смотрели в мою сторону. Их интересовали видные красавицы нашего селения.

Васса, стоящая под руку с Бартаном, поглядывала на меня свысока. Помня о том, что говорила о её судьбе моя бабушка, я не обращала на её взгляд никакого внимания. Только гадала, носит она уже или ещё пустая. Начала уже сокращать

себе жизнь или ещё нет.

В один из вечеров я сидела поодаль от основной группы гуляющих и наблюдала за своими ровесниками.

Девушки сбились в пары-тройки и переглядывались с парнями. Те стояли в стороне и делали вид, что их не интересуют девицы. Рядом тихо текла река, видевшая не одну свадебскую пору. На окраине сидели старухи и обсуждали, кого с кем в пару поставить.

На меня никто не обращал внимания. Я уже собиралась домой, когда увидела, как к собравшимся приближается один из чужаков. Он был одним из тех, кого я видела в первый день их прибытия в наше селение. С тех пор я давно не выходила из дома и не знала, как дела у чужестранцев.

Он поклонился старухам и, не обращая внимания на девушек, подошёл к одной группе парней. Как я поняла, его хорошо знали. Парни поздоровались с ним и начали разговор. Видимо, новую семью начали принимать в нашем селении.

Среди девушек началось оживление. Они постоянно поглядывали на чужака и перешёптывались друг с другом. Я сидела довольно далеко и не могла разобрать, о чём они говорили.

Я тоже украдкой поглядывала на чужака. Очень он отличался от наших парней. Тёмные волосы, чёрные глаза, высокий рост и непривычная нам одежда: штаны с длинным кафтаном. Мне казалось, что он напоминает моего деда, о котором недавно рассказывала колдунья. В моем воображении

он был таким же.

Неожиданно чужестранец отделился от группы парней и направился в мою сторону. Я вся сжалась: ко мне подходили, только чтобы обидеть, — ведь просто общаться со мной было запрещено.

Я со страхом ждала, что хочет сделать этот парень.

Когда он подошёл, я почти не дышала, таким огромным он мне показался.

Чужак поклонился и спросил, как меня зовут.

— Млада, — еле слышно прошептала я.

— Мне сказали, что с тобой нельзя разговаривать, — произнёс он.

— Да, я острижена, и пока волосы не отрастут — отвержена всеми, — ответила я.

— Не понимаю я ваших законов, при чём тут волосы, — проговорил он. — Я тебя давно приметил, ты мимо нашего дома всё бегала, а потом перестала. Отец сказал, что тебя дома заперли. Вот я и пришёл сюда. Думал, что во время сватовских гуляний тебя точно отпустят.

Я слушала его слова, и сердце моё наполнялось радостью.

«Неужели он пришёл сюда ради меня?» — думала я.

— Тебе нельзя со мной общаться, — предупредила я чужестранца, — за это тебя тоже могут отвергнуть.

— Мне нет дела до их мыслей, — ответил он. — Ты можешь пойти со мной?

— Нет, — испугавшись, прошептала я. — Мне нельзя. Ес-

ли я послушаюсь приказа отца, он отвезёт меня в прислужницы.

— И долго ты будешь наказана? — спросил он.

— Всю грядущую зиму, и только весенние ручьи смоят моё наказание.

— Хорошо, я подожду, — сказал он и ушёл.

Я боялась посмотреть ему вслед. Слишком много глаз смотрели сейчас на меня.

Даже разговоры старух смолкли на окраине поляны. Девы тоже примолкли. Я подождала, пока чужестранец скроется из виду, и быстро пошла к себе домой. Боясь даже представить, что сделает отец, узнав о том, что произошло на гуляниях.

«Я даже не спросила его имени», — мелькнула у меня мысль вместе с образом незнакомца.

Дома меня встретил строгий взгляд отца.

— Что опять натворила? — спросил он.

— Ничего, — тихо прошептала я.

Перед моими глазами была картина, как провинившихся девушек уводят в прислужницы, они плачут и просят пощадить их, родители непреклонны. Самым большим моим страхом было повторить их участь.

— Мне уже рассказали, что ты общалась с чужаком, — строго молвил отец.

— Он подошёл ко мне, но я сказала, что со мной нельзя общаться, и сразу ушла, — ответила я, понимая, что только

правда спасёт меня.

— Смотри мне, — проговорил отец, — лошадь мне быстро запрячь, отвезу в прислужницы и не вспомню.

— Нет, нет, не надо, я не буду ни с кем говорить до срока, — умоляя, проговорила я.

Отец отвернулся и ушёл в дом. А я вспоминала глаза незнакомца, с которым встретилась сегодня. Какие они были глубокие, как два омута. Недаром все наши девицы о нём перешёптываются.

Как мне хотелось побежать к колдунье, спросить её о чуде. Она-то точно знает, что у него на уме. Но я побоялась отлучаться со двора.

Глава 7

Спасение Млады

В ближайшую Луну играли свадьбы. Девушки выходили из домов в собственноручно расшитых нарядах и смотрели, кто красивее смог украсить своё платье. В дом невесты приходила семья жениха, и молодых вели к большой поляне. Там было устроено капище, на котором проводились все праздники и обряды нашего селения.

Селяне приходили сюда, чтобы отдать дань Богам и попросить их о милости.

В свадебный месяц поляна вся была покрыта цветами. Они цвели так дружно и ярко, будто весь цвет уходящего лета собрался в одном месте. Посредине было огромное кост-

рище и фигуры Богов.

Я могла наблюдать за свадебным действием только со стороны. Мать уговорила отца разрешить мне постоять на краю поляны. Обещала присмотреть за мной.

Сама она как замужняя женщина принимала участие в благословении юных дев на счастливую жизнь.

Мужчины разжигали костёр, а женщины начинали петь песни. Это были невероятной глубины звуки, которые растекались в пространстве и, казалось, достигали небес. Песня лилась непрерывным потоком, одна женщина сменяла другую, к ней присоединялась третья. И так без конца и края, пока голова не начинала кружиться от захлёстывающих эмоций.

Не прекращая петь, молодых оведали дымом душистых трав и просили у Богов плодородия для новых семей. Старейшина обвязывал руки будущих супругов рушником, соединяя их между собой, и жених с невестой приносили друг другу обеты.

Раньше в этом обряде участвовали волхвы, но они покинули наши земли ещё до моего рождения, и обязанность соединять молодых взяли на себя старейшины. Когда обеты были произнесены, пара три раза обходила вокруг горящего кострища, прося Ладу-Матушку о счастливой жизни, ладе в семье и здоровых ребятишках.

В заключение невестам надевали венки, каждой девушке выпадал свой цветок.

Вассе достался венок из незабудок.

«Не может кого-то забыть её избранный», — зашушукались старушки.

Но Васса не обращала на них внимания, теперь она стала законной женой Бартана и была рада, что добилась своего.

Отыскав меня взглядом, посмотрела свысока, гордясь своим превосходством, и прижалась к мужу. Бартан, почувствовав движение, посмотрел в ту сторону, куда был направлен взгляд жены, и тоже увидел меня. Что-то мелькнуло в его глазах и потухло. Васса не заметила и продолжала победно улыбаться.

В этот же момент я почувствовала ещё один взгляд. Повернувшись, я заметила, что на меня смотрел незнакомец.

Чужаки не ходили на наши свадьбы. Они строили свой дом, и селянские старики всё время обсуждали, как на окраине растёт настоящий терем.

Стены из круглого дерева, ставни резные, крыша причудливой формы с несколькими сторонами. Такого красивого дома ещё не было в нашем селении. Я тоже украдкой любовалась им, пробегая мимо.

Но в этот раз незнакомец пришёл на торжество. Он стоял на противоположной стороне поляны, вдалеке от всех, как и я. Увидев, что я заметила его взгляд, он улыбнулся и слегка кивнул головой.

Боясь выдать своё волнение, я чуть улыбнулась и быстро пошла прочь. Я так боялась, что кто-то заметил наше обще-

ние и расскажет отцу, и тогда мне точно не избежать наказания.

Убегая, я не удержалась и оглянулась, он пристально смотрел на меня, провожая своим взглядом, и мне казалось, что каждая травинка, на которую я наступаю, полна его присутствием.

Кроме его взгляда, я заметила, что на меня смотрел и Бартан. «Он что глядит? — думала я. — У него теперь жена есть, огнём связанная. А у меня незнакомец...» — от этой мысли сердце забилось ещё сильнее.

Я бежала домой, не чуя ног. Взгляд незнакомца преследовал меня. Мне мерещилась его улыбка, силуэт. Я никогда не испытывала таких чувств и волнения.

Дома я проскочила в свой сарай и вжалась в сено, постоянно вспоминая прошедший вечер. Представляя, что оказываюсь рядом с незнакомцем и чувствую его тепло. На этом я закрыла лицо руками. Слишком сильно было ощущение его присутствия рядом.

В этот момент в сарай зашёл отец. Крикнул меня. Я выглянула из глубины.

— Пришла? — строго спросил отец.

— Да, я давно здесь. Посмотрела немного и вернулась, — ответила я.

— Не понравилось? — удивился отец.

Я молчала, боясь выдать себя.

— Или завидно, что не ты невеста? — уточнил он.

Я кивнула, решив согласиться с его предположением.

— Будешь знать, как родителей не слушать, — проговорил он и вышел.

«Как хорошо, что я ослушалась, — подумала я. — Сейчас бы стала женой Бартана, а мой суженый другой», — в том, что чужак и есть мой Ладо, я не сомневалась.

После окончания свадебных обрядов отец уехал на ярмарку, и у меня настали свободные дни. Я очень скучала по беседам с колдуньей.

Матушка занималась заготовками на зиму, а я наконец смогла сбежать в лесную избушку.

Проходя мимо терема, который стоили себе чужаки, я восхитилась красотой и внешним убранством дома. Он возвышался над высоким забором и был больше любого дома в нашем селении. Внутри кипела работа. Я слышала мужские голоса и заметила, что они звучат немного иначе, чем принято говорить у нас. Они говорили с каким-то эхом, оно сопровождало каждое их слово.

Я хотела остановиться, прислушаться к ним, но потом вспомнила, что меня могут заметить, и побежала дальше.

Все мои мысли были устремлены к незнакомцу, я думала о том, что он сейчас делает, как строит дом, как пьёт холодную колодезную воду, и она бежит по его груди... Замечтавшись, я пропустила еле заметную тропинку, сворачивающую с основной к домику колдуньи.

Поняв, что зашла в другую часть леса, испугалась. Мне говорили, что здесь водятся волки, и я старалась не бывать в их местах. К людям волки обычно не выходили, еды им было в лесу достаточно. Только однажды я видела большую волчицу на поляне у бабушки, но она объяснила, что это её знакомый зверь, они кровно связаны. Больше ничего не рассказывала, как бы я ни просила.

Тревожно оглядываясь, я пыталась понять, в какую сторону мне идти. Начинало темнеть. К концу тёплого времени день начинал становиться меньше, а ночь длиннее.

«Куда же мне идти», — испуганно думала я, вспоминая рассказ бабушки, что на дальней стороне леса на деда Валида напал медведь. Мне стало страшно.

Я начала оглядываться по сторонам и пыталась определить направление, откуда я пришла. Но лес со всех сторон выглядел одинаково. Я пошла в одну из сторон, мысленно прощаясь со всеми.

Вдруг вдалеке я услышала небольшой треск сучьев. Потом ещё один. Мне казалось, он становится всё ближе ко мне. Вот уже и ветки шевелятся. С другой стороны тоже было шевеление.

В сгущающихся сумерках я увидела два глаза, смотрящих на меня. Они принадлежали большой волчице, она замерла для прыжка. Я зажмурилась и приготовилась к боли.

Вдруг рядом раздался ещё один звук, и нападения не последовало. Я открыла глаза и увидела с другой стороны

незнакомца. Он смотрел на меня и на зверя. Волчица замерла.

— Не двигайся и успокойся. Она не тронет, — сказал он уверенно и поглядел на притаившуюся волчицу. — Прикоснись к ней вниманием, почувствуй, она тоже боится. Она ранена и не может добыть пищу, а ей надо кормить волчат. Она хотела напасть на тебя, так как чувствовала твой страх, он ослаблял тебя.

Потом чужак перевёл взгляд на зверя. Как я заметила, в глаза не смотрел, но устремил своё внимание.

Вдруг из-за спины он вытащил мелкого зверька и кинул волчице. Она схватила добычу зубами и скрылась в чаще леса.

Незнакомец проводил её взглядом. Он смотрел на меня, а я не понимала, сон это или реальность. Я только что думала о нём, мечтала оказаться рядом, а потом всё так быстро произошло. И вот он стоит предо мной, а я не верю, что это на самом деле. Мне хотелось ущипнуть себя или его, чтобы убедиться, что это не мираж.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он.

— Я шла в лесной домик, — только и могла ответить я.

— К женщине, что живёт одна посреди леса? — уточнил незнакомец.

— Да, ты её знаешь? — удивилась я.

— Я ставлю силки по всему лесу и видел пару раз, — был ответ. — Странно у вас заведено: живёт старушка в лесу со-

всем одна. Жители её осуждают, но всё равно украдкой навещают. Видел я не раз. Бегают к ней и молодые, и старые, да так, чтобы их никто не заметил. Старость и мудрость уважать надо, а вы изгоняете.

Чудны мне были его слова. Никто никогда так не говорил со мной.

— Так получилось, — ответила я. — Её считают колдуньей.

— Это я уже понял, — усмехнулся он. — Только какая она колдунья, если просто травы знает, да со зверями может найти общий язык? Я вот тоже зверей чувствую, я, по-твоему, колдун?

«Да, — хотелось сказать мне, — конечно, ты колдун, ты украл моё сердце, а оно ещё никому не склонялось. Ты ходишь в чудных одеждах, не боишься волков, разговариваешь с эхом в голосе. Ты другой, не такой, как мы».

Но я ничего не сказала, от пережитого страха меня била дрожь, и зуб на зуб не попадал.

— Ты вся дрожишь, — сказал он. — Возьми мою шкуру, она тёплая.

— Нет, — испуганно ответила я. — А вдруг заметят, что в мужской одежде я, и не избежать мне позора. Лучше покажи мне дорогу. Совсем стемнело, я не знаю, куда идти.

— А куда ты хочешь? — спросил он.

— Отведи меня на лесную полянку к колдунье, она согреет меня своими травами.

– Хорошо, пойдём за мной.

Он крепко взял меня за руку.

– Так ты точно не потеряешься, — сказал он и повёл за собой.

Я шла и не чувствовала земли под ногами. Не узнавала дороги, но мне было всё равно. Я чувствовала тепло его руки и жар сердца. Мне хотелось подольше остаться в этой лесной глуши, чтобы всегда ощущать его прикосновение.

Но мы довольно быстро дошли до лесной избы.

– Вот и нужный тебе дом, — сказал он и разжал свою руку.

– Спасибо, — проговорила я, радуясь, как близко мы стоим друг к другу.

Незнакомец улыбнулся и собирался уйти.

– Как тебя зовут? — спросила я вслед. — Я ведь даже не знаю, кого благодарить.

– Демид, — сказал он в ответ.

«Странно, даже имя у него похоже на моего деда», — подумала я.

Чужестранец всё больше напоминал мне колдуна, о котором рассказывала бабушка. Я чувствовала в нём неизвестную силу, которая влекла меня, манила в свои сети.

Демид удалялся, а я смотрела ему вслед.

– Спасибо, что спас меня! — крикнула я и сама испугалась своего звонкого голоса в ночной тишине.

– Как можно было тебя не спасти, — сказал он, обернувшись и улыбаясь мне.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появилась бабушка.

— Что кричите? Лес пугаете, — сказала она.

Демид поклонился ей, но возвращаться не стал. А бабушка не пригласила его.

— Заходи, девочка, долго ты ко мне шла, — проговорила она.

— Я заблудилась, — сказала я.

— Знаю, смотрела за тобой. Демиду послала, чтобы пообщались вы.

— Вы знакомы?

— Не так, как ты думаешь. Я чувствую его. Могу определить, где он находится. Увидев, что ты бежишь не туда, я направила Демиду в твою сторону, — ответила бабушка.

— Он напоминает мне дедушку Валида, будто его душа в этом молодце, — сказала я.

— Валида не стало за много зим до рождения Демиду, — задумчиво проговорила колдунья, — его дух мог воплотиться в молодом теле, но не думаю, что это так. Нет в чужестранце той силы, что была в деде. Хотя что-то общее есть, недаром он влечёт тебя.

Я залилась краской и постаралась спрятать своё волнение.

Пока мы разговаривали, бабушка дала мне горячий чай, укутала тёплым пледом и села рядом.

«Это лучший вечер в моей жизни», — подумала я.

Несмотря на встречу с волчицей и мой страх перед ней все

дальнейшие события были самыми желанными для меня.

— Бабушка, — спросила я, — а как ты можешь разговаривать с людьми на расстоянии?

— Разговаривать не могу. А вот направить их умею, — ответила колдунья.

— Как это? — удивилась я.

— Я могу вложить им в голову мысль, и они последуют ей. И ты так можешь, да любой может, но не знает об этом.

— Научи меня, я тоже так хочу!

Бабушка строго посмотрела на меня.

— Только знай, для своего блага это умение использовать нельзя, и чтобы худое человеку сделать — тоже. А вот если помочь надо, то используй.

Я кивнула, соглашаясь.

— Когда мне надо донести до человека какую-то мысль, я как бы соединяюсь с ним. Представляю, что нахожусь рядом, но не физически, а будто моя душа летит к его душе. Наши тела вынуждены находиться в одной точке пространства, и у них нет возможности раздвоиться и переместиться вне времени. А вот душа может. Представляю я, как облако отделяется от меня и улетает к человеку, который мне нужен. И встречается там с облаком его души. И можно всё, что угодно, ему передать — об опасности предупредить, о переживаниях своих рассказать, о любви своей поведать, ссору прояснить.

— А как человек это поймёт? Как почувствует? — уточни-

ла я.

— Это от самого человека зависит. Бывает такой непробиваемый, что хоть сколько с ним так разговаривай, ничего не поймёт. А иной задумается. Вот предупредишь его об опасности — так он пять раз подумает, перед тем как за опасное дело взяться. Или поссорилась ты с человеком, пришла к нему облачком, обиду свою рассказала, и от него в ответ услышала, как он себя чувствует. Ой, и много интересного можно у души узнать. Мы ведь все только о себе думаем, а чувства другого человека не знаем. Может, он и не хотел ссориться, а мы не поняли.

— Да как же я узнаю, о чём он думает?

— Ты почувствуешь, может, образы увидишь, может, прямым знанием ответ придёт.

— Нет, у меня так не получится, — расстроено проговорила я. — Это особый дар надо иметь, как у тебя.

— А у тебя будто его нет, — улыбнулась ведьма. — Поздно уже, — продолжала она. — Твои уже спать легли, сегодня тебя не спохватятся. Оставайся у меня. А завтра до первых петухов побежишь в селение.

Я ещё сильнее укуталась в плед и попробовала сделать то, о чём рассказывала бабушка. Больше всего меня волновал Демид, что у него на уме, что он обо мне думает.

Но лететь к нему я побоялась. Решила на ком-то другом попробовать. Подумала о своём брате. Представила его в нашем доме, на его лежанке, почувствовала себя лёгким облачком.

ком рядом с ним.

«А что дальше? Ничего ведь не происходит. Глупость это всё», — роились в голове мысли.

Но вдруг я поняла, что мой брат сегодня устал, он весь день рубил матушке дрова. Я прямо почувствовала тяжесть в руках. В своих руках!

«Как же так: устал он, а тяжесть я чувствую в теле?»

Потом в моей голове родился образ одной из девушек нашего селения. Она была младше меня, я её почти не знала.

«Неужели это брат о ней думает, а я подсматриваю?» — испугалась я.

Вернулась мыслями в своё тело, и сразу руки перестали ныть от напряжённой работы. Я даже пошевелила ими, проверяя. «Не болят, — поняла я. — А ведь только что тяжесть чувствовала. Чудно!»

После я решила узнать, о чём думает Демид. Даже в темноте я почувствовала, как зарумянились мои щеки при мысли о нём.

Таким же белым облаком, каким присоединялась к брату, я направилась к Демиду.

Я не знала, какое убранство его терема и где именно он живёт, спит, поэтому просто представила его образ. Долго летала вокруг него облачком и ничего не почувствовала. Передо мной будто была непроницаемая стена.

«Как же так? — подумала я. — Ничего не чувствую».

На следующее утро бабушка разбудила меня до первых

лучиков зори, сказала собираться.

— Бабушка, скажи, почему я не могу увидеть мысли Демиды? — спросила я и покраснела.

— Не всех людей просмотреть можно. Демид тебе пока не по силам, — ответила колдунья.

— Как жаль, — сказала я.

— Хватит о нём мечтать, не время ещё. Да и нелёгкий у вас путь друг к другу.

— Ты что-то знаешь? — с надеждой спросила я.

— Знаю или нет, тебе этого не скажу. Не надобно тебе своё будущее знать.

Я сделала умоляющее лицо.

— И не проси! — строго ответила бабушка. — Беги скорее, пока мать не встала.

Холода пришли неожиданно. В моём сарае стало невозможно ночевать. Но допустить меня в дом родители не могли, время моего наказания ещё не закончилось. Поэтому они мне разрешили ночевать в старой бане, печка там была хорошая. Я была рада тёплому помещению и своему уединению в нём. Всё чаще я думала о том, как хорошо было бы пожить у бабушки. Иметь возможность разговаривать с ней по вечерам, учиться её мудрости, перенимать знания.

«Как она там одна всю осень и зиму? А если всю поляну заметёт? Как бабушка за водой выйдет, чем питаться будет?» — думала я.

Как колдунья жила все предыдущие зимы, я не спроси-

ла. И сейчас переживала за бабушку. С наступлением сезона дождей я больше не могла ходить к ней через лес. Многие места стали топкими болотами, да и темнело рано. Мне ещё работать надо было во дворе, а уже сумерки. Как к бабушке пройти? Я хорошо помнила, как заблудилась в лесу, и не могла надеяться, что незнакомец вновь спасёт меня. Демида я тоже не видела. Ходить на его часть селения мне было не нужно, и я потеряла всякую надежду увидеть его.

Пробиться к нему мыслями я не могла. Мне казалось, что вокруг их терема непроницаемая стена, за которую чужим вход воспрещён. Мне было грустно ощущать себя посторонней для Демида, но это на самом деле было так.

Когда лес замело снегом и дойти до домика колдуньи стало совсем невозможно, я поняла, что до весны не увижу бабушку. И попробовала отправить к ней облачко своей души.

Я представила себя в лесной избушке, с её ароматным чаем в руках.

И вдруг почувствовала нежные руки бабушки, обнимающие меня.

– Догадалась, как ко мне прийти? — будто спросила она.

– Да, я так скучаю по нашим разговорам, — ответила я.

– Приходи ко мне мысленно, — был ответ, — я всегда тебя жду.

И я развлекалась мысленными путешествиями всю зиму. Заглянула к Вассе. Почувствовала, что ей грустно. Мне по-

казалось, что она плачет в углу, а её любимый где-то далеко.

«Разве Бартан куда-то уехал?» — подумала я.

А потом почувствовала, что он рядом, в избе, но будто далеко.

Ещё я поняла, что Васса тяжела. Она ходила, немного заваливаясь назад, у неё болели спина и ноги. Но при этом она много работала.

— Что разлеглась? — будто услышала я голос взрослой женщины. — Не думала, что сын такую лентяйку приведёт.

— Тяжело мне, живот тянет, ребёночек толкается, — плаксиво ответила Васса.

— Эко невидаль, я пятерых выносила и работала до самого их рождения. А ты только плачешь по углам, — был ответ. — Что за девка нам попалась? Да и не девка была, уже на сносях в мой дом пришла.

— Так это Бартан так захотел, — испуганно проговорила Васса. — Мы же сговорены были, многие так делают.

— Многие, да не все, — зло ответила женщина. — Была бы девицей, не допустила бы до себя без обряда. А сейчас поди узнай, от кого носишь.

— Что вы! Спросите у Бартана, он меня уговорил, Ладу-матушку в свидетельницы призывал, что будет обо мне заботиться и ребёнка примет, — сказала Васса.

— Ты Ладу не вспоминай, она такие непотребства не приговаривает. Сама за себя отвечай. Если не мальчик будет — смотри мне. В нашей семье девочки не рождаются. Уже три по-

колени только мужчины в нашей семье. В помощницы приходится таких, как ты, брать.

Я чувствовала, какой болью отзываются в Вассе слова хозяйки. Как плачет она по ночам, боясь, что родит девочку, и её выгонят из дома мужа, а родители не примут.

Жаль мне было Вассу. Хотя и помнила я её надменный взгляд на свадебной поляне, когда она невестой стояла у связывающего пары огня, а я — отверженной на краю была.

А сейчас я была сама себе хозяйка, в маленьком, но отдельном домике — бане. А весной меня ждал Демид. Я верила, что он придёт ко мне, когда отступят холода, мои волосы отрастут и закончится срок наказания.

«Интересно, где мама Демиды? И почему в его семье совсем нет женщин?» — думала я, но ответа на эти вопросы не было.

Я не уставала радоваться приходу весны. Морозы и метели отступали. Снег таял, и я ждала момента, когда смогу провести колдунью. Всю зиму я общалась с ней мысленно. Даже привыкла вести с ней такие беседы. Я не до конца понимала, где в этих беседах правда, а где моя выдумка.

Демиды я видела всего один раз за зиму. Он проходил мимо моего дома, а я выходила за ворота по поручению отца. Чужестранец слегка улыбнулся мне и пошёл дальше. А я вспомнила нашу дорогу по осеннему лесу, и сердце радостно забилося.

Я гадала, придёт ли он ко мне свататься, как только весен-

ние ветра разгонят тучи? Первое сватовство у нас в селении проходило именно в этот период. Семьи, которые присмотрели пару своим детям, ходили друг к другу договариваться. Так ко мне год назад должен был прийти Бартан со своим отцом. Я узнала об этом заранее и сбежала к колдунье, чтобы взять у неё отворотное средство.

Глава 8

Неудачное сватовство

Весеннее солнце светило всё ярче. Ручьи звенели радостным перезвоном. А мне было никак не отлучиться со двора. Мои волосы почти отросли, и родители строго следили за мной. Мне было разрешено вернуться в дом, и сбегать к бабушке стало совсем сложно.

— В этом году тебя точно выдадим замуж, — сказала мама. — И смотри, без глупостей. Кого отец выберет — за того и пойдёшь.

— А если за меня кто сам посватается? — спросила я.

— Если посватается, там и посмотрим, — ответила мама.

Это вселило в меня надежду, что меня отдадут Демиду, если он выразит желание взять меня в свою семью. Я столько о нём мечтала в эту зиму, что не представляла иного варианта.

«А вдруг он не придёт? — иногда думала я. — Может, он нашёл другую невесту? Ведь целая зима прошла, и мы почти не виделись».

От этих мыслей немело в груди, но я старалась не верить им.

В один праздный день, когда наша семья была в сборе, к дому подъехала упряжка лошадей. Моё сердце тревожно забилося. Такая упряжка была только у чужестранцев.

В ворота постучали, и мать послала моего брата открыть двери.

К дому подошли несколько мужчин: это был Демид со своим отцом и одним из братьев.

— Доброго дня, хозяева. Позвольте к вам? — спросил старший из гостей.

— Что не позволить, если с добром пришли, — ответил мой родитель.

Матушка накрыла на стол. Мне сказала не показываться. Взрослые перекинулись парой слов, и потом отец Демида попросил моего отца отдать меня в жёны его старшему сыну.

— Мы очень ценим женщин, и ваша дочь станет моей дочерью, — сказал он.

— А почему же у вас самих женщин нет? — спросил отец. Повисло молчание. Его нарушил Демид.

— Бабушку я не помню, а матушки не стало год назад, перед нашим приездом в эти края. Она не справилась с рождением ребёнка, и их обеих забрали Боги, — сказал он.

— Она ждала девочку? — с сочувствием проговорила матушка.

— Да, — был ответ. — Но они обе покинули нас, и мы ре-

шили уехать из старого дома, чтобы привычная обстановка не напоминала нам постоянно о боли утраты.

— Я сожалею, что Боги были жестоки к вашей жене и ребёнку, — ответил отец. — Я бы отдал вам свою дочь, но она уже сговорена.

— Как это сговорена? — спросила я, показываясь перед сватами в нарушение всех традиций.

Отец хотел выгнать меня, но сдержался при гостях.

— А тебе знать не надобно, пока срок не придёт, — сказал он мне. — Сговорился я уже о ней, так что не судьба, — проговорил отец, обращаясь к гостям.

Это означало конец разговора.

Чужестранцы встали и поклонились хозяевам.

— Я за другого не пойду! — крикнула я, не думая о том, как будет зол отец на мою выходку.

— Тебя никто не спросит, — ответил он зло.

Я видела, что старший мужчина из гостей неодобрительно покачал головой. Но в чужом доме свои порядки устанавливать не стал.

Демид посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но его подтолкнул отец, и они вышли за порог.

— Как ты посмела выйти к гостям, когда тебя не звали? И как могла перечить моей воле? — грозно спросил отец.

— Я не пойду ни за кого другого, — ответила я, удивляясь своей смелости. — Демид спас меня от волчицы прошлой осенью, я обязана ему жизнью. И должна оплатить свой долг.

– Что ты делала в лесу вместе с чужаком?

– Я собирала грибы и заблудилась, — соврала я, чтобы не говорить, что шла к колдунье. — Демид был на охоте и услышал, как я пробиралась меж деревьев. Он спас меня от зверя и вывел из леса.

– Почему ты сразу не рассказала? — спросила матушка.

– Я боялась, что вы рассердитесь, — ответила я.

– Ты достойна самого серьёзного наказания, и я бы давно отправил тебя в прислужницы, — сказал отец. — Но старейшина просил тебя для своего сына, это было ещё до прихода весны. Я не мог ему отказать, только поэтому ты всё ещё здесь. Ты выйдешь замуж за того, кого я укажу, и будешь всю жизнь благодарна мужу за то, что он избавил тебя от изгнания.

Слёзы наполнили мои глаза, и я убежала в свою часть избы. Договорённость со старейшиной была важнее любых обещаний и сватовства. Никто в нашем селении не рискнул бы пойти против такой просьбы.

«Что же делать? — думала я. — Даже чужестранцы должны жить по законам той земли, где поселились. И отец Демиды не пойдёт против власти старейшин».

Я не видела выхода из сложившейся ситуации, и слёзы безостановочно текли из моих глаз. В моих мечтах я представляла сватовство Демиды, и вот он приехал за мной, но ушёл без меня. С этим было невозможно смириться.

Вечером ко мне подошла матушка.

— Отец очень зол на тебя, — сказала она. — Он называет тебя порченным ребёнком, и мне больно это слышать. Как жаль, что до свадебного месяца ещё полгода, я не знаю, как ты будешь жить с нами всё это время.

— Матушка, а кого отец выбрал мне в женихи? — спросила я.

Старейшинами являлось несколько мужчин в нашем селении, и я не знала, кто именно просил меня для своего сына.

— Я не должна тебе говорить, но, может, так будет лучше. Завтра ты всё равно их увидишь, сможешь подготовиться к их визиту за ночь, — сказала, помолчав, матушка. — Брат Бартана вошёл в свадебный возраст, и ты выйдешь за него.

— Но он же младше меня! — воскликнула я.

— Один год ничего не решает, — возразила матушка. — Запрета на это нет. Ты сама виновата, что сидела в наказании, когда сватались твои ровесники.

— Я не пойду за него! — попыталась закричать я, но матушка закрыла мне рот рукой. — Не буду жить в одной избе с Бартаном и Вассой.

Я вспомнила, как всю зиму следила за Вассой, подлетая к ней облаком. Хозяйка дома постоянно ругала её, нагружала работой, грозила выгнать, если родится девочка. Васса даже падала от усталости и переживаний. Недавно она родила сына, и её оставили в доме. Но счастья это не принесло. Ребёнок часто кричал и мешал другим обитателям дома; Вассу постоянно ругали за то, что она не может успокоить малыша.

— Я не пойду к ним! — повторила я.

— Пойдёшь, — сказала мама. — Иначе тебя изгонят из селения, и никакой Демид тебе не поможет. Ты думаешь, ему нужна всеми отверженная женщина? Нет, им здесь жить, других сыновей женить. Чужестранцы живут на нашей земле и должны следовать нашим правилам. Недаром сразу ушли, как отец объявил, что ты уже сговорена.

Слёзы ещё сильнее душили меня, я поняла, что матушка права. Я не могла требовать, чтобы Демид пошёл против всех. Они построили себе большой дом не для того, чтобы опять его бросить и переезжать из-за меня.

«Неужели судьба моя такая, с нелюбым жить?» — думала я. И вспомнила, как бабушка говорила, что у нас с Демидом непростой путь друг к другу.

Мне захотелось прямо сейчас поговорить с колдуньей, прижаться к ней, рассказать о своей беде, я была уверена, что она сможет мне помочь.

Оглядываясь по сторонам, я тихо пошла к выходу из избы. Мужская половина уже спала, матушка была в детской, а я была одна.

Прокравшись к сени, я приготовилась бежать в лес. Вдруг кто-то сильно схватил меня за руку. Повернув голову, я увидела своего брата.

— Куда собралась? — спросил он. — Отец не зря сказал тебя сторожить. Ты теперь из избы не выйдешь, пока муж не заберёт.

— Братик, родной, отпусти меня, немила мне жизнь, если замуж по принуждению пойду, — умоляла я его.

— Не могу, — был ответ. — Отец выпорет, а мне после последнего раза ещё больно лежать на спине, — и он сильнее сжал мою руку. — Иди в дом.

Я поняла, что брат меня не пропустит, и вернулась на своё место.

Наутро матушка сказала мне собираться и ждать сватов. Я не видела ничего вокруг. Надела то платье, что мне принесли. Причесала отросшие волосы.

У ворот раздался топот. В избу шумно ввалились люди. Среди них была сваха, старейшина с женой, их сын — жених, и старший сын — Бартан.

Гости вручили подарки, жених надел мне на шею красные бусы.

— Пусть все знают, что ты просватана, — сказал он.

Я смотрела на своего будущего мужа и ничего не чувствовала. Он был обычным парнем, на которого я бы никогда не посмотрела. Да и я была ему не любя. Это читалось в его глазах.

«Зачем меня за него выдают?» — удивлённо подумала я. И перевела взгляд на Бартана. Вот он был счастлив. Смотрел на меня постоянно. Будто за него меня выдавали, а не за его брата.

После обязательного сговора старшие начали обсуждать

детали свадебного обряда. А я попыталась незаметно выскользнуть из дома.

Но меня опять остановил брат.

— Куда собралась, сестрёнка? — спросил он так, чтобы все слышали.

— Воздухом подышать, весна на улице, — ответила я.

— Сходите с женихом, посидите во дворе, — сказал старейшина.

Я склонила голову в знак согласия. Жених встал и пошёл со мной, за нами вышел и Бартан.

— Иди погуляй, — сказал он младшему брату, когда мы вышли из избы.

Парень выскользнул за ворота.

— Вот мы и встретились, Млада, — сказал Бартан, — сбегала ты от меня в прошлый раз, но я настойчивый, в этот тебя получу.

— Я же за твоего брата иду, — возразила я.

— А кто в темноте разберёт: я у тебя или он? Изба-то одна, — шепнул он мне, нагнувшись.

Меня начало трясти.

— Боги накажут за такое, — проговорила я.

— Что мне Боги, когда в своей избе я хозяин, — ответил Бартан.

— Хозяин там — твой отец, — сказала я.

— Отец селением занят, люди к нему за советом приходят, а домом я занимаюсь, я и решаю, — сказал парень.

— У тебя же Васса есть, огонь вас связал прошлым солнцем, — продолжала я.

— Надоела она мне, — зло ответил Бартан. — Только и знает, что жалуется, на матушку обижается, ребёнок у неё постоянно ревёт, уже не знаем, куда их и деть, чтоб жить спокойно не мешали.

— Устаёт Васса, тяжело ей. А ребёнок чувствует, вот и плачет, мать жалеет, — сказала я.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил Бартан. — Васса тебя в подругах не держит.

— Мне не обязательно с ней дружить, чтобы это знать, — ответила я.

— Я всегда знал, что ты немного ведьма, — усмехнулся парень. — Но ничего, у меня быстро шёлковой станешь.

— Никогда! — крикнула я.

И, проскользнув в промежуток забора, побежала к лесу.

Бартан не мог пройти там же, слишком здоровый был, и ему пришлось бежать к воротам и открывать их.

Это дало мне время, чтобы немного оторваться от него.

Я бежала, не чуя ног. Как год назад, но тогда никто за мной не гнался.

Хотела сразу повернуть к колдунье, однако дорога к ней всё ещё была топкой, и я не смогла уйти в её сторону. Я бежала туда, где осенью меня спас Демид.

«Пусть я попаду в зубы волкам, — думала я, — но никогда не войду в избу Бартана».

Я слышала за собой тяжёлое дыхание и треск ломающихся веток. Бартан догонял меня. Не знаю, откуда я брала силы, чтобы так долго бежать от него.

Но я была слабой девушкой, а он — сильным мужчиной. В конце концов он начал догонять меня.

Я почувствовала толчок в спину, и Бартан с силой повалил меня на мокрую землю.

— От меня не уйдёшь, — запыхавшись, прошипел Бартан, придавливая меня к земле. — Не хочешь по-хорошему ко мне в избу идти, так прямо сейчас моей станешь, — сказал он, срывая с меня одежду.

Я пыталась освободиться, но у меня не получалось.

Спиной я чувствовала холод осенней земли, но даже он был менее неприятен, чем жёсткое дыхание Бартана и его мокрые руки. На мне было много одежды, и у него не получалось быстро сорвать её.

Вдруг я услышала рык большого зверя. Он повторился снова и снова. Бартан отстранился от меня и поднял голову. В нескольких метрах стояла волчица и грозно рычала.

Парень попятился. Волчица наступала на него. Быстрый прыжок, молниеносное движение лапами и головой — и мужчина уже лежал на земле с разорванным горлом.

Я отвернулась. Вспомнила рассказ бабушки, как дед Валид погиб от когтей медведя. Но он сделал это ради жизни моей матери, а Бартан получал сейчас по заслугам.

Не смотря в сторону зверя, я приготовилась уйти в цар-

ство Мары, не надеясь, что волчица пощадит меня.

Но взглянув на неё, увидела, что, расправившись с Бартаном, она не собирается на меня нападать. Она очень умно смотрела на меня и будто звала за собой. Я гадала, была ли это та же самая волчица, что я встретила прошлой осенью.

Я встала и пошла за ней. Через некоторое время начала узнавать лес, ведущий к избе колдуньи. Волчица развернулась и пошла прочь.

— Спасибо, — то ли сказала, то ли послала я мысленно ей вслед.

И побежала к домику бабушки. Только сейчас я начала чувствовать, как замёрзла и промокла под разорванной одеждой.

Глава 9

Суд

Колдунья ждала меня на пороге.

— Вот и вновь ты пришла ко мне, девочка, — сказала она. — Проходи скорее, грейся.

Бабушка завела меня в дом. Я поняла, что вся дрожу. Очтившись в знакомом месте, я разрыдалась. Меня трясло от пережитого страха.

— Он, он... — повторяла я.

— Я знаю, моя хорошая, я всё видела, — ответила колдунья. — По воде смотрела, — добавила она.

— Его... — начала я и осеклась.

Хотела сказать, что волчица разорвала, но не смогла это выговорить.

— И это видела, он получил по заслугам, — сказала колдунья. — Не думай, что только ты его грех. Многое за ним водится, да отец его оправдывает в глазах селян. Власть старейшины сильна над умами.

Я плакала, прижавшись к бабушке, не особо понимая, что она говорит.

— Мне волчица помогла, — сказала я. — Как она ко мне вышла?

— Волки добро помнят. А вы накормили её, когда она больше всего в этом нуждалась, — ответила бабушка. — Да и волки просто так не нападают. Их дело — лес в чистоте блюсти. А это не только от падали очищать, но и от плохих людей стеречь.

Бабушка ещё что-то говорила, гладила меня по голове, шептала непонятные мне слова. Со временем меня перестало трясти, но я ещё больше испугалась того, что произошло. Мне ведь строго-настрого было запрещено выходить с отцовского двора.

— Меня скоро спохватятся, — сказала я.

— Уже спохватились, ищут, — проговорила пожилая женщина, — Но до завтра Бартана не найдут. Побоятся идти на тот край леса, темнеет уже, солнце ещё не взяло свою силу, дни коротки. Главное, чтобы Демид его первым не нашёл.

— Демид? — переспросила я.

– Да, все уже в курсе, что вы с Бартаном пропали. Кто-то из селян видел, как вы бежали в лес, растрезвонил всем. Демид как узнал, пошёл за тобой. Я не могу посмотреть, где он, предупредить. С каждым днём мне всё сложнее его видеть. Как будто стена вокруг него растёт.

– Я тоже так чувствую, будто защищён он чем-то, — согласилась я.

– А ты попробуй, влюблённое сердце дорогу найдёт, — ответила бабушка.

Я собрала своё внимание и представила, что нахожусь рядом с Демидом. В том лесу, где он нашёл меня осенью. Почувствовала, как он взял меня за руку и вывел из леса. Через эту связь я прошептала: «Со мной всё хорошо, я у колдуньи, не трогай его».

И вдруг увидела растерзанное тело Бартана и стоящего над ним Демиды. Он прислушивался к чему-то внутри себя. Потом улыбнулся и ушёл с этого места.

– Я видела его, — сказала я бабушке, — он на том самом месте. Я предупредила, чтоб он уходил.

– Ваша связь крепнет, не потеряй её, — ответила пожилая женщина. — Она ещё ох как понадобится.

– Расскажи, что ты про нас видишь? — взмолилась я.

– Нет, девочка, не надобно тебе судьбу знать. Когда знаешь — изменить трудно, а когда не знаешь — легче.

– А мне кажется, наоборот, — ответила я.

– Мала ты ещё, чтоб выводы делать, — колдунья погла-

дила меня по голове, — иди, отдохни. А я посмотрю, что в селении творится, люди спать не будут, судьбу твою решать станут.

Я с испугом посмотрела на бабушку.

— Они придут сюда? — спросила я.

— Я не знаю, утро покажет, — был ответ.

Всю ночь я была в полудрёме, видела, как колдунья что-то шепчет на кувшин с водой, жжёт свечи, травы, от них шёл необычный аромат. Мне казалось, что я раньше никогда такого не чувствовала.

Порой мне хотелось встать и подойти к столу, но словно какая-то сила удерживала меня на лежанке.

И только под утро пришёл сон. Мне снилась волчица, зовущая меня за собой, оскал Бартана, твёрдые руки Демида, выхватывающие меня из цепких лап моего преследователя.

На этом я резко проснулась. Ко мне подошла бабушка.

— Всё хорошо, девочка, утро настало. Новый день надежду несёт, — сказала она.

— Что там творится? — спросила я, имея в виду наше селение.

— Бартана с зори ищут, скоро найдут. А потом к нам с тобой придут, — проговорила пожилая женщина.

— Но почему? Откуда они узнают, что я здесь? А вы вообще ни при чём! — удивилась я.

— Все знают, что я с волками дружу, — ответила колдунья. — Вот и подумают на меня. Да и Тимира расскажет. Она

часто у меня бывала, видела мою волчицу.

— Но вы же помогали Тимире! — воскликнула я.

— Но она — старейшина. Ей важно поддержать авторитет своего круга. Ведь твоё повторное бегство от брака с сыном старейшины не пройдёт даром. Селяне судачить начнут. Думать, почему девицы от таких хороших людей сбегают. А тут ещё чужестранцы их ум волнуют. Смотри, какой дом себе выстроили, живут хорошо. С огнём дружат да со зверьми в лесу общаются. Но другим зла не делают, наоборот, помогают. Благодаря им наши люди всю зиму успешно охотились, и не было мора, как в другие годы от голода, — продолжала бабушка. — Пойми, старейшины боятся, что власть от них уйдёт. А победа над колдуньей даст уважение и страх. Тимира ведь знает, что я — обычная женщина, не сладить мне с мужчинами.

— Но вы же помогаете её дочери удержать мужа. Неужели в ответ Тимира придёт сюда с судом? — спросила я, вспомнив, как год назад стала невольной свидетельницей разговора Тимиры и колдуны.

— Её зятя нет уже четыре Луны, — ответила бабушка. — Не выдержал он действия зелья. А я предупреждала, — вздохнула колдунья. — Теперь Тимире ничего от меня не надо, а власть старейшин пошатнулась. Её надо укрепить.

— Но ведь вы можете всем рассказать о её поступках! — воскликнула я.

— Не дадут мне этого сделать, — был ответ. — Да и моё

слово против старейшин — ничто для селян.

— Что же нам делать? — испугалась я. — Может, я к Демиду пойду, в ноги его отцу упаду, попрошу нас с вами защитить?

Бабушка задумалась.

— Нет, девочка, так не получится, — сказала она, помолчав. — Отец Демиды хоть и справедлив, но против законов земли, на которой живёт, не пойдёт. Ему селяне ничего плохого не сделали. И чинить свою волю он здесь не станет. Ты сейчас своему отцу принадлежишь. Как он скажет, так и будет. Это всем известно: и нашим, и чужакам. А вот если отречётся от тебя отец или старейшина своё слово о сговоре назад возьмёт — тогда свободна ты. Да только не позволят этому быть, — закончила она.

— А что тогда делать?

— Я попробую нам помочь, — задумчиво сказала она. — Полнолуние скоро, меня Валид несколькими обрядами научил, он с их помощью мстил своим обидчикам, но я никогда их не делала, страшно мне было. Я больше по травам да кореньям ведаю. Но сейчас выбора нет. Призову тех, кто отзывается во тьме. Думаю, мне и Демид с его отцом помогут. Не могут они в открытую здесь появляться. Зато со зверями дружат, — хитро улыбнулась колдунья. — А там посмотрим, сдюжим вдвоём, главное, не опоздать.

— А когда люди придут? — со страхом спросила я.

— Я точно не знаю, они готовиться будут. Надо же селян

убедить сюда прийти, ведьму извести. Страх их превозмочь. Несколько дней у нас есть, — был ответ.

Следующие несколько дней были тревожными. Колдунья мало разговаривала со мной, она готовила на поляне что-то типа жертвенника. Раскладывала на нём предметы, назначения которых я не понимала. Потом ходила вокруг, шептала заговоры, до меня доносились отдельные фразы, но их значение ускользало от меня. Будто она говорила на другом языке.

Я чувствовала, как вокруг нас сгущается тьма. За моей спиной, казалось, что-то шевелилось, раскрывались чёрные крылья. Они обнимали меня, защищали. Но не только от селян, но и от света белого заслоняли. Мне начало казаться, что я слышу посторонние звуки, которых не могло быть в лесу.

Проснувшись в середине следующей ночи, в ведьмин час, я почувствовала присутствие в избе ещё кого-то, кроме нас с колдуньей. В мерцающем огне свечи мне привиделся мужской силуэт — рослый, статный, но весь тёмный. Он стоял перед бабушкой, и мне показалось, что они о чём-то общаются. Я посмотрела на него пристальней, и он заметил меня. Меня прошибла дрожь. Я не могла ни пошевелиться, ни вдохнуть. Тело онемело и перестало меня слушаться. Он шагнул ко мне.

— Стой, — слышала я голос бабушки, — она пока не готова.

Ещё несколько мучительных минут я чувствовала пристальное внимание духа, а потом он начал таять и исчез.

Я вздохнула и закашлялась.

— Зачем проснулась? — спросила бабушка. — Я столько сил потратила, чтобы его вызвать. Я ведь уже не всё помню, что он говорил.

— Это был мой дед Валид?

— Нет, это порождения Нави, тебе с ними рано общаться, слишком хитры они: заберут твою волю — и не заметишь, — недовольно ответила колдунья и продолжила: — Но раз уж проснулась — посторожи. Нельзя нам одновременно спать. А я отдохну. Уже с ног валюсь от усталости.

Я села к столу, посмотрела на пламя свечи. Вокруг поплыли тени. Мне казалось, что кто-то заглядывает ко мне из-за плеча. Хочет что-то сказать, научить, помочь. Только боялась я эту помощь принимать. Да и не знала как. Бабушка мне ничего не объяснила — что она делает и чем я могу ей подсобить.

Чтобы хоть как-то проявить себя, я решила слетать к Вассе, посмотреть, что у неё в избе делается. О чём говорят родные Бартана.

Когда Бартан не вернулся домой, а селяне рассказали, что видели меня с ним, бегущих к лесу, Васса подумала, что муж её бросил и покинул селение вместе со мной. От этого она очень злилась на меня, ненавидела Бартана за предательство. Но когда на следующее утро его принесли, давно бездыхан-

ного, то зарыдала так, что у меня похолодело в душе.

Она выла, как настоящая волчица, лишившаяся своего волка.

Хозяйка дома обвиняла её в том, что это она виновата в уходе мужа. Мать Бартана схватила Вассу за длинную косу, намотала её на руку и кричала на неё страшным голосом:

— Гибель моего старшего сына на твоей душе! Это из-за тебя он дома не сидел, всё по сторонам глядел! У хорошей жены мужик по лесу за девицами не бегает! Мужик дома около жены сидит. А ты, бесстыжая, нагуляла ребёнка, потом сына моего на себе женила. Думаешь, я не помню, как ты у калитки нашей вилась, всё сыночка моего поджидала.

Васса рыдала от боли и унижения, но сделать ничего не могла. Теперь её судьба зависела от воли хозяйки дома, лишившись мужа, она перешла под её ведение.

— Забирай своего отпрыска, и чтобы глаза мои тебя больше не видели! — крикнула пожилая женщина.

Васса упала ей в ноги и зарыдала пуще прежнего.

— Позвольте мне остаться, — просила она, — сгинем мы с сыночком, отец ведь меня не примет.

— Пошла отсюда, — зло повторила хозяйка и замахнулась.

— Подожди, — неожиданно услышала Васса голос старейшины, мужа хозяйки. — Ребёнок рождён по срокам сговора. По нашим обычаям молодые могут быть вместе, если их родители договорились между собой. Свадебный огонь не отвергнул Вассу, значит, верна она Бартану. Пусть остаёт-

ся, она мать моего старшего и пока единственного внука. Негоже им скитаться. Да и позора не оберёшься, если селяне узнают, что мы невестку в измене подозреваем, — добавил он тише.

Хозяйка сверкнула глазами, но спорить с мужем не стала. Васса отползла в свой угол, малыш уткнулся в её грудь и продолжал всхлипывать.

Мне стало безумно жаль Вассу.

— Бабушка, — спросила я, когда колдунья проснулась, — ты говорила, что Вассе другая судьба была предначертана: выйти замуж поздно и родить двоих детей. А она рано выскочила, и частые роды подорвут её здоровье. Но теперь получается, что Бартана больше нет, и её первый ребёнок так и останется единственным. Опять судьба поменялась? Разве такое бывает?

— А что такое судьба, девочка? Бывает ли она неизменна? Посмотри, вот берёза белая стоит во дворе, сколько у неё веточек? А ствол-то один. Так и судьба человека — есть в ней одна, самая главная дорога. Она подобна стволу дерева: идёшь по ней, и всё у тебя хорошо складывается. Но встречаются на пути веточки — дорожки сторонние, и если человек по своему незнанию или по чужой воле свернёт с главного пути, уйдёт от своей основы, ствола, его поддерживающего, на веточку боковую, гибкую, на ветру шатающуюся, то и судьбу свою поменяет, и ненастья найдёт. Всё в наших руках, Млада. Нам выбор дан. Только надо уметь его увидеть и до-

рогу свою чувствовать. Не свернуть с неё на веточку гиблую.

— А как же дорогу не потерять? — спросила я.

— По сердцу жить надо, деточка. Сердце всегда верный путь подскажет. Как шёпот лёгкий, оно говорит и направляет тебя в пути. Да не все этот шёпот слышать умеют и хотят, часто его мысли да крики других людей заглушают.

Я молча слушала бабушку. Думала, чувствую ли я этот шёпот лёгкий, следую ли ему. Но пока не знала ответа.

— Сегодня они придут, ближе к вечеру, — вдруг сказала колдунья. — Нам так даже лучше. Темнота теперь наш друг.

От её слов мне вдруг стало холодно, будто порыв ветра снёс с меня одежды и окатил волной снега. Я поёжилась.

«Неужели меня заберут обратно в селение? — подумала я. — Тогда точно в прислужницы отправят. А может, изведут вместе с бабушкой, — с ужасом пришла следующая мысль. — Демид, неужели я никогда не узнаю тебя, не стану твоей женой?» — с грустью подумала я.

В тот день даже не рассвело. Небо так затянуло тучами, что ни один лучик солнца не смог пробиться сквозь них. Мне казалось, что тучи нависают всё ниже и ниже. Лес был беспокойным. Вокруг поляны, на которой стояла избушка колдуньи, будто кто-то бродил, ломал ветви деревьев, листья шевелились, даже когда стихал протяжный вой ветра.

Чёрные вороны кружили над поляной, крича на разные голоса. Их крики леденили кровь. Меня охватил страх. Ни-

когда ещё в моей жизни темнота не была так близко.

Бабушка тоже изменилась. Из приветливой, заботливой женщиной, которая согревала меня своим теплом и нежностью, она стала незнакомой мне ведьмой, с пронизывающим взглядом, цепкими руками, даже черты её лица заострились и стали пугающими. Рядом с ней будто стоял кто-то. И куда бы она ни шла, я чувствовала, что это существо сопровождало её. От всей моей любимой бабушки веяло холодом. Мне казалось, что я теряю её. Теряю единственного человека, который любил меня.

Я смотрела на неё во все глаза, пытаюсь найти черты той, которой я её знала, пыталась заговорить. Но колдунья не обращала на меня никакого внимания. Она ходила вокруг алтаря, установленного в центре поляны. Что-то шептала, что-то пела, но голос её был похож на вой; раскладывала неизвестные мне предметы. И с каждым её подходом вокруг всё менялось, оживало, шевелилось.

Вороны прилетали и клевали с алтаря разложенное для них угощение, потом начинали кружить над поляной. А колдунья что-то шептала им и кружилась вместе с ними.

Только однажды бабушка отреагировала на мой немой вопрос.

— Не смотри на меня так, — сказала она, и я не узнала её голоса, — думаешь, легко тёмную силу поднять? Самой надо такой стать. Тьмой пропитаться, подружиться, воздать ей почести. Только потом о помощи просить. И поблагодарить

не забыть, дары воздать, — продолжала она. — Так что мне пришлось вспомнить всё, чему меня учил Валид, его тьма поднялась, когда селяне подожгли его дом. Но моя тьма всю жизнь сидела глубоко. Не давала я ей волю. Матушка рассказывала мне, ещё когда я ребёнком была, что в роду у нас тьмы много и приспешники Нави есть, на кровь посаженные. Вот я и боялась. Не обращалась к этой части себя. Держала её под замком. А помогала людям только светлыми умениями. Но сейчас всё изменилось: нам надо защитить себя.

— А почему нельзя обратиться к свету? — спросила я, напуганная словами бабушки. — Пусть светлые силы нам помогут.

— Светлые силы так не работают, — услышала я в ответ. — С ними нельзя договориться на обмен. Например, защиту от них обменять на обет или служение. Так не получится. Они дают тогда, когда считают нужным. И плохих накажут, и хорошим воздадут, но когда и как — неизвестно. Нужна очень сильная вера, чтобы получить защиту в моменте, у меня её нет, а у тебя?

Я покачала головой. Я верила в наших Богов и просила у них покровительства, но не могла уследить, когда и как они отвечали на мои просьбы.

Ближе к вечеру начала сгущаться тьма. После тёмного дня сумерки казались ещё темнее.

— Идут, — сказала колдунья, — я их чувствую. Факелы несут. Мне казалось, что ещё страшнее быть уже не может, но

мне стало.

— Они хотят нас сжечь? — спросила я.

— Они только это и умеют, — злясь, ответила бабушка. — Ни разбираться, ни мыслить не умеют. Только факелы в руки — и вперёд. Не думала я, что опять это переживать буду.

— Прости меня, — прошептала я. — Это я беду на тебя накликала. Со своей любовью не справилась. Лучше бы я за Бартана пошла год назад, и все были бы живы.

— Нет, ты бы не смогла. От судьбы не сбежишь. Нам суждено было встретиться. Моя история не закончилась, она должна была сыграть снова. Ничто не проходит бесследно. Валид предупреждал меня, что история ещё повторится. И её надо прожить по-другому, чтобы изменить. Ни я, ни он не защищались от селян, считали, что помощь, которую мы им оказываем в беде, лучшая защита. Но это не так. Люди не помнят добра, когда их глаза застилает безумие. А именно его вселили старейшины в умы людей своими речами.

В этот момент поляну начали окружать звуки. Хотя никого было не видно, но я ясно слышала шум от ломающихся под ногами веток, отблески факелов между деревьев, негромкую переключку приближающихся.

Вскоре к поляне вышло порядка десяти мужчин. Я узнала среди них отца, он смотрел на меня, но как будто не видел. Его взгляд был блуждающим.

«И правда, обезумел», — подумала я, глядя на него.

Ещё я различила отца Бартана, который приходил ко мне свататься несколько дней назад. Был здесь и отец Вассы. Позади всех стояла Тимира. Факелы в их руках горели ярко. Они даже слепили мои глаза после тьмы, которая была вокруг столько времени.

Колдунья стояла на пороге своего дома. Из леса к ней вышли люди с факелами. Несколько минут, показавшихся мне вечностью, над поляной царила тишина.

Даже птицы примолкли. А ветер боялся шелестеть листвою.

Я ожидала за дверьми дома. Бабушка просила меня не выходить.

— Мы пришли с судом, ведьма, — громко сказала Тимира, выводя всех из оцепенения.

— Кого судить будем? — спокойно ответила колдунья. — Тебя или старейшину, который впереди тебя?

Не ожидавшая такого поворота Тимира замолчала на несколько мгновений.

— Твои речи не достигнут наших ушей, не наполнят ложью наши души, — помог ей отец Бартана, переводя внимание на себя.

— Потому что уши селян уже до краёв наполнены вашей ложью, уважаемые, — ответила бабушка, сделав ударение на последнем слове.

— Мы желаем всем добра, а от тебя одно зло исходит, — подключилась Тимира.

— Может, и зятю своему ты добра желала, когда опаивала его зельем, — продолжала бабушка.

— Ты же его мне и давала, — быстро ответила старейшина.

— Значит, ты подтверждаешь, что приходила ко мне за травами для своей семьи? — подвела итог бабушка.

Мужчины, пришедшие со старейшинами, зашумели, и даже мой отец с удивлением и попытавшимся проснуться разумом посмотрел на Тимиру.

— Ты навела на меня морок, заставила поить любимого мужа моей дочери, — пыталась выкрутиться женщина.

— Да что ты! Ты же сама ко мне ходила, я тебя силком не вела, — сказала колдунья.

— По твоему указанию я всё делала, заговорила ты меня, затуманила, — начала голосить Тимира. Я видела, что она играет, но стоящие рядом мужчины поверили. — И сейчас ты всех лилейными речами одурманиваешь. Смотрите, вы уже начали верить ей, — обратилась она к пришедшим. — Теперь вы понимаете, как ведьмы сводят с ума простых людей.

Бабушка вздохнула и покачала головой.

— О чём же судить вы пришли? — спросила она.

— О гибели моего сына Бартана, — ответил старейшина, — все знают, что ты с волками водишься, а его загрызли две ночи назад.

— И зачем же мне на твоего сына волков насылать? Вон сколько людей по лесу ходит, а твой сын чем особенный?

– Не ведаю я твоих чёрных мыслей, ведьма, сгубила ты душу чистую, ответить должна, — продолжал старик.

– Душу чистую, говоришь, — ответила колдунья, — это у кого она чистая, у Бартана? Напомни мне, как вы решили ситуацию с девицей Беляной? Чем от её родителей откупились?

Среди мужчин опять прошёл рокот. Все помнили историю, случившуюся две зимы назад, когда Беляну нашли без дыхания на границе леса. Матушка тогда ещё шепталась с отцом, что не просто так Беяна ушла, а нехорошее с ней было.

Я тогда не очень поняла, о чем она, а сейчас догадалась, что Бартан её, как меня, в лес загнал.

– Беляну Боги забрали за грехи матери, все это знают, — зло ответила Тимира, которую начинал злить весь разговор.

Она планировала быстро совершить возмездие и уйти.

Ночь всё больше вступала в свои права. Небо расчистилось, и на нём сияла огромная луна, будто являясь неподкупным свидетелем нашего разговора.

– А с каких пор Боги девичью честь забирают? — спросила бабушка.

– Об этом нам ничего неизвестно, — ответила Тимира, пытаясь закончить разговор.

– А вот родителям Беяны прекрасно ведомо, чем вы их запугали, что они согласились своё дитя оболгать? — продолжала колдунья.

— Не об этом разговор, ведьма, — громко заговорил отец Бартана. — Сейчас ты виновата, и с тебя спрос. Бартана уже нет с нами, он ответил за поступок.

— Значит, всё-таки виноват? — повторила бабушка. — А я тогда при чём? Вот его Боги и наказали.

Мужчины, пришедшие со старейшинами, начали тихо переговариваться. Только мой отец молчал.

— Тихо! — грозно сказал он. — Ты, ведьма, дочь мою с пути истинного сбила. Знаю я, что к тебе Млада бегала. Ты её колдовству научила, душу сгубила, за это и ответишь.

Он поднял факел и двинулся в сторону избы.

— Нет, отец! — крикнула я, выходя из дверей. — Бабушка спасла меня, когда все отвергли, когда вы хотели выдать меня замуж за нелюббого, когда остригли и заставили жить в холодном сарае, когда решили выдать за брата отвергнутого жениха. А я к ней сбежала и беду сюда привела.

Я обвела глазами полукруг столпившихся людей и, забыв волнение, продолжила:

— Два дня назад Бартан пришёл в мой дом вместе со сватами. Его брат был выбран мне в мужья. Мы вышли вместе во двор. Бартан отослал своего брата, а сам сказал мне, что, как только я войду в их дом, он сам будет ходить ко мне ночами. Я не могла пойти на такой грех и побежала. Бартан гнался за мной, как бешеный пёс. Наверное, так же он преследовал Беяну две зимы назад. Настиг на краю леса. Но меня спасла волчица: она набросилась на него. А меня не тронула.

Я перевела дух. Пришедшие слушали меня с интересом, и даже с презрением поглядывали на старейшину, отца Бартана.

— Колдунья ни в чём не виновата. Бартан получил по заслугам, — закончила я.

— А почему же тебя волчица не тронула? — спросила Тимира. — Ты тоже ведьма!

— Волки чистят лес от дурных людей, но не трогают хороших, — ответила я.

— А ты, значит, хорошая? Отца родного не уважаешь, мать не слушаешь, к ведьме в избу бегаешь, обычай сватовства презираешь — этим ты хороша? — Тимира оглядывала людей, стоящих вокруг неё. — Бартан с прошлой осени — муж Вассы, вы все видели, что свадебный огонь принял его. Значит, эти двое истинно связаны друг с другом. Уже две Луны они растили сына. А ты лишила ребёнка отца и оболгала его сейчас!

Я во все глаза смотрела на женщину и не понимала, как она смогла так вывернуть мои слова.

— Мы должны положить этому конец! Сколько ещё ведьмино отродье будет лишать покоя наше селение! Вы помните тёмного колдуна, который жил здесь? Какое колдовство он творил! Скольких семей мы лишились тогда! Сжечь их!

Мужчины, как зачарованные, двинулись к избе, неся в руках горящие факелы.

— Отец, — крикнула я из последних сил, — неужели ты

допустишь это?

— Я отрекаюсь от тебя, — не своим голосом ответил он и протянул вперёд свой факел.

Пока я разговаривала с пришедшими, колдунья чуть отступила. И сейчас я видела, как она вновь изменилась: глаза наполнились темнотой, черты лица заострились, движения стали резкими, голос — гортанным. Изменяясь в свете факелов, её тень пугала даже меня.

Бабушка что-то шептала, постепенно наращивая темп и звук. Мужчины,двигающиеся на нас с факелами, приостановились.

— Видите, колдует ведьма! — крикнула им Тимира. — Жгите скорее!

В этот момент налетел ветер, который молчал всё предыдущее время. И пламя факелов лизнуло самих мужчин. Они начали уворачиваться, уклоняться в сторону.

Как вдруг замерли от разрезавшего ночную тишину крика воронов. Стая чёрных птиц ворвалась на поляну и налетела на пришедших творить свой суд.

Вороны кружили над мужчинами, клевали им руки, лицо, били крыльями.

Нападавшие усиленно размахивали факелами, пытались укрыться от когтей воронья руками, но получали рваные раны. Воронам тоже доставалось, у нескольких птиц были обожжены крылья, и они упали на землю. Мужчины кинулись остервенело затапывать птиц, пытаясь увернуться от напа-

дения остальных.

Тимира закуталась в свою накидку и не показывала глаз.

Несколько мужчин, получив страшные раны от клюва и когтей воронов, отступили.

В этот момент раздался протяжный вой. От него кровь стыла в жилах, а волосы начинали сами шевелиться на голове. Вороны разом вспорхнули и улетели на ветки.

Вой повторился. Мужчины стали оглядываться по сторонам, ища, откуда идёт звук.

Справа от меня зашевелились кусты, и на поляну выскочил огромный чёрный волк. Я таких сроду не видела! По размеру он больше напоминал медведя, но всё-таки это был волк. Его шерсть была будто смоляной. Свет факелов не проходил к нему, полностью утопая в черноте.

– Он вернулся! — пронеслось в темноте.

Со страшным рёвом волк прыгнул на отца Бартана, стоящего в центре. Мгновение — и старик лежал на земле без движения, а волк устремился дальше.

Мужчины попятились. Только мой отец решительно двинулся к волку и ткнул его в бок горящим факелом. Хищник взревел, развернулся, и прыгнул на мужчину, уворачиваясь от огня в его руках и увлекая за собой на холодную землю. Не в силах наблюдать, как волк рвёт тело моего родителя, я закрыла глаза.

Когда заставила себя открыть их, отец уже был бездыханным, Тимира пустилась в бегство, несколько мужчин пяти-

лись, отмахиваясь факелами от наступающего зверя, но один из нападавших, воспользовавшись тем, что волк отвлечён другими, шагнул к нам с бабушкой и провёл перед нами факелом. Я почувствовала обжигающий жар огня на своём лице.

Следующий выпад — и факел должен был поджечь нашу одежду, но его движение было остановлено твёрдой рукой Демида.

— Не тронь их, — сказал он, выламывая из рук противника оружие нападения.

На поляне в живых осталось всего четверо из пришедших судить нас. Трое пытались совладать с волком, а он, издавая страшный вой и исходя дымящейся шерстью, старался достать их. И ещё один мужчина стоял рядом с нами.

— Довольно, — сказал Ведмурд, отец Демида, появляясь из леса вслед за сыном. — Ваш разум замутнён. Вы наказываете не тех, кто виновен. Идите в селение и расскажите своим семьям, о чём говорила колдунья. И сами решите, кому верить. Вы много лет слушались старейшин, но были ли они честны с вами? Делили ли они на всех блага, получаемые за лето, или оставляли себе лучшее? Помогали ли они вам, когда зимой в ваших избах заканчивалась еда? Подумайте об этом, прежде чем обижать женщин.

Мужчины отступили. Волк тоже остановился.

— Мы уважаем тебя, Ведмурд, — сказал один из пришедших, закрывая повреждённый вороном глаз, — благодаря

твоей помощи этой зимой мы не знали голода. Ваши силки и капканы на мелких лесных зверушек помогли нам пережить зимние месяцы. Мы подумаем о твоих словах.

— Нам надо забрать павших, — сказал второй, указывая на лежащих на поляне.

— Мы принесём их, — ответил отец Демида.

Мужчины стали пятиться к тропинке, уводящей с поляны, продолжая отмахиваться от уже не нападавшего волка. Он только рычал им вслед.

Когда шум веток под их ногами стих, волк повалился на бок. От его шерсти шёл смрад, а на боку зияла рана, оставленная моим отцом.

Ведмурд подошёл к волку. Хотя расстояние составляло всего пару метров, он шёл медленно, будто спрашивая разрешения. Огромный, чёрный как смоль волк повернул к нему морду и слегка огрызался, но не нападал. Мужчина обернулся к колдунье и сказал:

— Ему надо помочь. У вас есть необходимое?

В этот момент я впервые посмотрела на бабушку после всего, что произошло на поляне. Она была не похожа на себя. Только одежда напоминала в ней прежнюю женщину. А в глазах колдуньи плескалась тьма. Она была такой сильной, что, казалось, затянет и выпьет любого человека до дна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.